

ЗАЩИТНИКИ ПЕТРОПАВЛОВСКА

(1854—1855 гг.)

*К 160-летию героической обороны
Петропавловского порта
от англо-французской эскадры
в годы Крымской войны*

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»

2014

ББК 84(2Рос–рус)6
В22

*Книга издана на средства
индивидуального предпринимателя С. П. Кожана*

Редактор-составитель *А. А. Смышляев.*

Художники *В. И. Шиляев, В. В. Санакоев,
Ю. Н. Назаров, И. П. Пшеничный.*

Фото: *А. Смышляев-мл., В. Татауров*

На обложке – фрагмент картины Валерия Шиляева «Во славу русского флага. За нами Камчатка, за нами Россия!», холст, масло, 2013 г.

Защитники Петропавловска (1854–1855 гг.) : к 160-летию героической обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры в годы Крымской войны. – Петропавловск-Камчатский. Холдинговая компания «Новая книга», – 2014.

ISBN 978-587750-281-9

© С. Вахрин, В. Татауров,
А. Смышляев, 2014

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2014

ПЕРВАЯ СЛАВА ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО

В центре Петропавловска-Камчатского, у самой подошвы склона Никольской сопки, стоит памятник «Часовня», напоминающая горожанам и гостям Камчатки о знаменательной победе русского оружия в августе 1854 г., когда небольшой гарнизон Петропавловского порта героически отразил натиск превосходящего по силам англо-французского десанта, не позволив отнять у России Камчатку. У подножья часовни – два холма. Это могилы. В одной похоронены защитники города, в другой – воины неприятеля.

Выше, на самой Никольской сопке, тянется к небу шпиль другого памятника с гордым названием «Слава». Он действительно символизирует Славу русской доблести и героизма в те далёкие от нас дни. Зародившись на склонах Никольской сопки в августе 1854 г., Слава уже не покидала Петропавловск. Она вновь проявила себя в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., когда камчатские ополченцы не позволили японцам стать полновластными хозяевами полуострова. Она показала себя в августовские же дни 1945 г., когда военноморской десант, сформированный из камчатцев, в основном воинов Петропавловского гарнизона, очистил от японцев Курильские острова, устранив, таким образом, многолетние посягательства Японии и на саму Камчатку, и на её богатые рыбные ресурсы. В результате ожесточённых боёв ожерелье Курильских островов вновь украсило Россию.

Памятник «Часовня» в Петропавловске-Камчатском

На другом, морском склоне Никольской сопки мы видим сразу два памятника, и оба они также посвящены защитникам Петропавловского порта от англо-французского десанта. Это батарея № 3, или, как её стали называть, «Смертельная» батарея, командовал которой лейтенант князь Александр Максудов-второй. Выше по склону военные моряки-тихоокеанцы уже в советское время установили памятник в виде пушки в благодарность героям-максудовцам,

Братья князя Александр и Дмитрий Максудовы. Худ. В. В. Санакоев

которые не дрогнули под массированным артиллерийским обстрелом с кораблей противника, в ответ нанося ему значительный урон. Многие из бомбардиров погибли здесь, другие были ранены, самому Александру Максудову оторвало руку, и он вскоре умер и был похоронен в Петропавловске. Сегодня одна из улиц города носит имя героя.

А сам Петропавловск-Камчатский Указом Президента России от 3 ноября 2011 г. получил почётное звание «Город воинской славы». И его первая Слава зародилась здесь, на Никольской сопке.

24 августа 1855 г., ровно через год после отражения петропавловцами вражеского десанта, в маленькой церкви города был отслужен молебен. Отслужил его благочинный камчатских церквей Георгий Логинов, священник, который и сам находился в рядах защитников Петропавловска, вдохновляя людей молитвой на героизм и подвиги. Затем он отслужил пани-

хиды на общей могиле павших и могиле князя. А 7 февраля 1858 г. был издан Указ Его Императорского Величества об учреждении «...каждогодно крестного хода в 24-й день августа в Петропавловском порту в день избавления оного от нападения англо-французского десанта в 1854 году».

Тогда же священник Георгий Логинов расписал порядок Крестного хода, которого неукоснительно придерживались многие десятилетия. С годами появилась традиция устраивать после Крестного хода праздник с участием военных моряков. После перехода страны на новый календарь, День Памяти Петропавловской обороны стали отмечать уже по новому стилю – 5 сентября. В 1922 г. прошёл последний Крестный ход, после чего отмечали праздник уже без него.

Особенно большим и массовым получился праздник 3 сентября 1945 г., потому что одновременно в Петропавловске прошёл митинг по случаю победы над Японией. После этого ещё несколько лет эти два праздника шли рука об руку, одновременно, в один день – 2 сентября. Сторонником этой традиции был и командующий Камчатской военной флотилии вице-адмирал Г. И. Щедрин. Но последующие за Щедриным командующие эту традицию не поддержали, оставив морякам, да и Петропавловску, лишь один праздник – день окончания Второй мировой войны, 2 сентября. День Первой Славы Петропавловска стал уходить в тень, а затем и забываться.

Возродил этот праздник журналист, краевед, писатель Валерий Мартыненко, который, являясь председателем Камчатского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в 1988 г. предложил городским властям вспомнить о Первой Славе города. И вспомнили. Праздник провели 2 сентября, объединив его с Днём памяти Курильского десанта, и он удался. Тогда же впервые после большого перерыва прошла панихида на могилах защитников города и их противников. 3 сентября сводная рота моряков и солдат вновь пришла к Часовне. Воины преклонили знамёна, выступили ветераны, военачальники, школьники возложили цветы. День этот называли «Днём скорби и гордости предка-

ми». Завершился день артиллерийским салютом с кораблей.

В 1990 г. этот День стал частью празднования 250-летия города Петропавловска-Камчатского. Вместе с отцом Ярославом Левко панихиду отслужил американский православный священник отец Владимир.

Увы, в последующие годы о Дне Первой Славы Петропавловска вспоминали только по каким-либо дополнительным случаям. И лишь православная церковь продолжала возобновлённую традицию ежегодного проведения 5 сентября Крестного хода.

Благодаря церкви этот День остался с нами. Он в наших сердцах. Мы вчитываемся в историю и понимаем, что наши предки здесь, на далёких от России камчатских берегах, действительно совершили подвиг. Они не щадили себя – ни русские матросы, ни казаки-камчадалы, ни местные охотники, ни прибывшие на подмогу камчатцам забайкальцы. Мальчишка-кантонист, которому ядром оторвало руку, шептал, теряя сознание: «Мне не больно, ведь я слуга царю, я сражался за Россию». Израненного хорунжего Карандашова сам генерал Завойко едва смог отправить в госпиталь – не хотел уходить из боя казак-богатырь. Мальчишка-казачок 16-ти лет заколот штыком двух откормленных англичан и не дрогнул при этом, да ещё и спас своими смелыми действиями русского матроса. «Бери в штыки!» – кричал юный мичман Пилкин, ведя своих воинов в атаку на вершине Никольской сопки и сбрасывая врагов с обрыва в море, а потом писал в воспоминаниях: «Всё решили русский штык да русский натиск».

Сегодня мы даём читателю возможность вновь прикоснуться к памяти тех дней героического отражения петропавловцами англо-французского десанта. В данной книге два произведения: документальное повествование известного писателя и краеведа Сергея Вахрина, в котором он отдаёт должное многим рядовым участникам тех событий. Ведь мы больше знаем о руководителях обороны: Завойко, Арбузове, Изыльметьеве, братьях Максутовых и т. д., а здесь – рядовые. Ведь именно их штыки, их сабли, их пули, их смелость и умение решили исход дела. Знать их имена, помнить этих людей –

святая наша обязанность. И писатель Сергей Вахрин даёт нам такую возможность.

Второе произведение – поэма Владимира Татаурова «Священные рубежи. 1854», в которой автор воспевает подвиг петропавловцев, проводя параллель с таким же героическим отражением англо-французского десанта почти в те же самые дни у стен Соловецкого монастыря. Как мало мы знаем из истории России... Нам рассказывали только о Севастополе. Ещё мы, жители Камчатки, знаем, конечно же, о Петропавловске, но подобные вражеские десанты пытались оторвать куски от России во многих её окраинных местах, вот и на Соловках, оказывается, тоже...

Читайте, друзья! Вы узнаете много нового и интересного о том удивительном, героическом времени, когда наши предки ценой своих жизней, своей крови отстояли для нас Россию, в том числе её дальние берега.

Александр Смышляев, редактор

Сергей ВАХРИН

**ПАМЯТЬ, ОНА В КАЖДОМ ИЗ НАС,
КАК СЕРДЦЕ...**

(камчатцы в годы Крымской кампании)

Памяти Л. С. Копьевой посвящается

Оборона Петропавловского порта в 1854 г. – одна из славных и очень важных страниц истории нашего полуострова, но это совсем маленький эпизод в целом проигранной Россией военной кампании (которую историки называют Крымской), включающей в себя героическую оборону Севастополя, частью общей воинской славы которого, кстати, является и защита Камчатского люнета – укрепления Камчатского пехотного полка на Малаховом кургане, где погиб адмирал В. И. Истомин. Напомним: на Зеленом холме построили люнет, названный Камчатским. Рядом оборону держали люнеты Волынский и Селенгинский, также названные по своим полкам. Эти укрепления, воздвигнутые под носом у союзников, по мнению историков, явились «несмываемым позором для англичан и французов» (слово в слово подобное мнение было высказано и по поводу провала атак англо-французского десанта на Никольской сопке и Красном Яру Петропавловского порта на Камчатке). Три месяца в Севастополе велась борьба за эти укрепления. До конца мая 1855 г. «три отрока», как называли эти редуты, были как бельмо на глазу англо-французов – самым опасным местом в Севастополе. Французская артиллерия обстреливала их днем и ночью.

7 марта 1855 г. на Камчатском люнете прямым попаданием ядра в голову был убит контр-адмирал В. И. Истомин. Вот, что писал П. С. Нахимов родным Истомина, сообщая о его гибели: «Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергиею и геройскою решительностью... По единодуш-

ному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков, в том склепе, где лежит прах незабвенного Михаила Петровича (Лазарева) и... покойный Владимир Алексеевич (Корнилов). Я берег это место для себя, но решился уступить ему».

По приказу П. С. Нахимова на месте гибели Истомина выложили крест из бомб и ядер. В 1904 г. на Камчатском люнете по проекту Ф. Н. Еранцева открыли небольшой скромный обелиск из гранита, который был виден с улицы Истомина. На пьедестале надпись: «Здесь убит ядром в голову 7-го марта 1855 г. контр-адмирал В. И. Истомин».

Возвращаясь к камчатским событиям, стоит обратить внимание на то, что оборона Петропавловского порта, как и Севастополя, будучи одним из важнейших исторических событий Камчатки и Крыма, как городов воинской славы, обычно связывается в исторической памяти только с руководителями обороны порта – начиная с вышеперечисленных знаменитых (справедливо и достойно!!!) севастопольских адмиралов и тогда еще генерал-майора (впоследствии контр-адмирала) В. С. Завойко, продолжая в соответствии с табелем о рангах Штаб и Обер-офицерским составом также действительных по воинской чести героев обороны, но на этом подчас и обрывается историческая связь с событиями прошлого в памяти благодарных потомков, превращая множество остальных участников обороны в некие безымянные статистические данные – в цифры, даже когда говорится и пишется о погибших героях, отдавших свою жизнь за Веру, Царя и Отечество. И поэтому мы знаем сегодня больше об общих цифрах потерь при обороне Петропавловского порта (как, наверное, и Севастополя), нежели об именах и фамилиях рядовых участников тех героических сражений. А ведь это не просто герои, не просто участники обороны Петропавловского порта (сегодня мы говорим о нём), выигравшие историческую победу у врага – это ведь и чьи-то прадеды, память о которых угасла на основе всеобщего беспомыслия, когда в спешном порядке в 1855 г. военные покинули Петропавловский порт и

перебрались в срочно построенный для Петропавловского гарнизона Николаевский военный пост – нынешний Николаевск-на-Амуре. Вместе с остальными военными покинули Камчатку (за исключением Камчатской казачьей команды) и члены 47-го флотского экипажа, многие из которых были уроженцами Камчатской области и никогда уже не вернулись на свою малую родину.

Я, может быть, и никогда бы не узнал об этом факте массовой переброски жителей Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре, как не знает или не помнит об этом сегодня большинство из старожилов Камчатки, даже те из них, предки которых жили на полуострове в то славное героическое время, если бы не случай, который стал поворотным и для меня как краеведа, и для тех эпизодов обороны Петропавловского порта, о которых я расскажу, и о тех участниках-героях обороны Петропавловского порта, которые долгие годы оставались для нас для всех безымянными.

Мать моей жены Ларионовой Татьяны Петровны Любовь Степановна Копьева известный и очень уважаемый в селе Соболево человек, которая родилась в здешних местах (с. Русь, основанное ее отцом Степаном Матвеевичем Копьевым, о трагической судьбе которого я рассказываю в своей книге «История камчатских имен»), выросла здесь, трудилась, будучи участником трудового фронта в Великую Отечественную войну и ветераном труда, находясь в прямом родстве со многими известными в Соболево и в Соболевском районе семьями аборигенов и подав в начале 1990-х гг., как и большинство представителей коренного народа, заявление в архив с просьбой подтвердить свое коренное национальное происхождение.

Каково же было удивление (а в первый момент и негодование) Любви Степановны, которая заботилась прежде всего не о себе, а о своих детях, – Иде Михайловне Копьевой, Татьяне Петровне и Владимире Петровиче Ларионовых – внуках – Анне, Алексее, двух Андреех, Анастасии, Юлии – и о будущих правнуках (это уже и о моих внуках – Денисе Алексеевиче и Артуре Андреевиче Вахриных), когда она в

ответ на свой запрос получила следующую информацию о национальности своего деда – сын баталера (она почему-то потом говорила «бомбардира») какого-то никому не известного 27-го флотского экипажа Василий Васильевич Усов, женившийся на дочери камчадала Спешнева.

Ассоциация коренных малочисленных народов Соболевского района на основе родства Любови Степановны с такими коренными фамилиями, как Трапезниковы и Спешневы, признали ее представителем КМНС, но горечь (как реакция на некую историческую несправедливость) от той архивной справки осталась у нее на всю оставшуюся жизнь. И это в определенной степени подтолкнуло и меня попытаться понять: «кто есть кто» прадед моих собственных детей и внуков.

И вот сегодня у меня на руках многочисленные материалы, которые утверждают, что Любовь Степановна Копьева, ее дети, внуки и правнуки должны, как и многие представители других коренных камчатских фамилий, гордиться своими предками, которые были в составе Камчатской казачьей команды, 47-го Камчатского (впоследствии 27-го Амурского) флотского экипажа, а также в сводном отряде камчадалов-волонтеров, совместно и героически отражающих натиск врага.

А теперь давайте вспомним события Крымской войны. Вот, что по этому поводу сообщает нам Википедия:

Дата события: с 4 (16) октября 1853 по 13 (25) февраля 1856 г.

Место: Крым, Балканы, Кавказ, Чёрное море, Балтийское море, Белое море, Дальний Восток.

Итог: победа англо-французской коалиции; Парижский мирный договор (1856).

Противники: со стороны коалиции – Французская империя, Османская империя, Британская империя, Сардинское королевство; против нее – Российская империя и Мегрельское княжество.

Силы сторон: коалиция (Франция – 309 268 человек, Великобритания – 250 864, Османская империя – 165 тыс., Сардиния – 21 тыс., германская бригада – 4 250, швейцарская

бригада – 2 200, славянский легион – 1 400 казаков); Россия и союзники (Россия – 700 тыс., болгарская бригада – 3 000, греческий легион – 800 человек).

Потери: Франция – 97 365 погибших, умерших от ран и болезней; 39 818 ранено.

Османская империя – 45 300 погибших, умерших от ран и болезней.

Великобритания – 22 602 погибших, умерших от ран и болезней; 18 253 ранено.

Сардиния – 2194 погибших; 167 ранено

Россия – по общим оценкам 143 тыс. погибших: 25 тыс. убиты, 16 тыс. умерли от ран, 89 тыс. умерли от болезней.

Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму.

В середине XIX века Османская империя находилась в состоянии упадка, и только прямая военная помощь России, Англии, Франции и Австрии позволила султану дважды предотвратить захват Константинополя мятежным вассалом Мухаммедом Али Египетским. Кроме того, продолжалась борьба православных народов за освобождение от османского ига. Эти факторы привели к появлению у русского императора Николая I в начале 1850-х гг. мыслей по отделению балканских владений Османской империи, населённых православными народами, чему противились Великобритания и Австрия. Великобритания, кроме того, стремилась к вытеснению России с черноморского побережья Кавказа и из Закавказья. Император Франции Наполеон III, хотя и не разделял планов англичан по ослаблению России, считая их чрезмерными, поддержал войну с Россией как реванш за 1812 г. и как средство укрепления личной власти.

В ходе дипломатического конфликта с Францией по вопросу контроля над церковью Рождества Христова в Вифлееме, Россия, с целью оказать давление на Турцию, оккупировала Молдавию и Валахию, находившиеся под протекторатом России по условиям Адрианопольского мирного договора. Отказ

русского императора Николая I вывести войска привёл к объявлению 4 (16) октября 1853 Турцией, а за ней Великобританией и Францией 15 (27) марта 1854, войны России.

В ходе последовавших боевых действий союзникам удалось, используя техническое отставание русских войск и нерешительность русского командования, сосредоточить количественно и качественно превосходящие силы армии и флота на Чёрном море, что позволило им произвести успешную высадку в Крыму десантного корпуса, нанести российской армии ряд поражений и после годичной осады захватить южную часть Севастополя – главной базы русского Черноморского флота. Севастопольская бухта, место дислокации российского флота, осталась под контролем России. На Кавказском фронте русским войскам удалось нанести ряд поражений турецкой армии и захватить Карс. Однако угроза присоединения к войне Австрии и Пруссии вынудила русских принять навязанные союзниками условия мира. Подписанный в 1856 г. Парижский мирный договор потребовал от России вернуть Османской империи всё захваченное в южной Бессарабии, в

устье реки Дунай и на Кавказе; империи запрещалось иметь боевой флот в Чёрном море, провозглашённом нейтральными водами; Россия прекращала военное строительство на Балтийском море, и многое другое. Вместе с тем, цели отторжения от России значительных территорий не были достигнуты. Условия договора отражали фактически равный ход боевых действий, когда союзники, несмотря на все усилия и тяжёлые потери, не смогли продвинуться дальше Крыма, а на Кавказе потерпели поражения».

Главный дальневосточный успех – Камчатка осталась за Российской империей. О Петропавловской обороне написано немало. Поэтому мы ограничимся главным документом – рапортом о победе камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта генерал-майора **В. С. Завойко**:

«**18 августа** сего года [1854] военная эскадра из 6 французских и английских судов: трех фрегатов большого размера, трехмачтового парохода, одного фрегата малого ранга и брига стала на якорь на рейде Авачинской губы: с сего числа по 25-е эскадра бомбардировала Петропавловский порт и делала два решительных нападения с целью овладеть городом и военными судами: фрегатом “Аврора” и транспортом “Двина”, находившимися в Малой губе, но нападения неприятеля отражены во всех пунктах, город и суда сохранены. Эскадра, потерпев значительные повреждения, потеряв несколько офицеров и до 350 человек команды, оставив в Петропавловском порте английское знамя десантного войска, 27 числа того же месяца снялась с якоря и скрылась из вида.

Имея честь донести вашему имп(ераторскому) выс(очеству) о столь счастливом событии, долгом считаю объяснить:

К 17 августа, когда усмотрена неприятельская эскадра, средства к защите Петропавловского порта, в распоряжении моем находившиеся, были следующие:

Батареи: № 1 на Сигнальном мысе из 3 орудий 36-ф[унтового] калибра и 2 бомбических 2-пуд[ового], командир батареи лейтенант Гаврилов, у него под командой об[ер]-офицер 1, нижних чинов 63.

№ 2 на Кошке, из 10 орудий 36-ф[унтового] калибра и 1

В. С. Завойко

24-фунтового, командир лейтенант князь Максutow 3-й, у него под командою гардемарин 1, нижних чинов 127.

№ 3 на перешейке, из 5 орудий 24-ф[унтового] калибра; командир лейтенант князь Максutow 2-й, у него под командою нижних чинов 51.

№ 4 на Красном яре, из 3 орудий 24-ф[унтового] калибра; командир мичман Попов, у него под командой гардемарин 1 и нижних чинов 28.

№ 6 на озере, из 4-х 18-ф[унтовых] и 6-ти 6-ф[унтовых] орудий; командир поручик Гезехус; у него под командой нижних чинов 31.

№ 7 у рыбного сарая из 5 орудий 24-ф[унтового] калибра; командир капитан-лейтенант Кораллов; у него под командой нижних чинов 49.

Одно полевое 3-ф[унтовое] орудие, при нем командир титулярный советник Зарудный, нижних чинов 19.

На батареях по 37 выстрелов на пушку.

Для отражения десанта в 1 стрелковом отряде под начальством мичмана Михайлова нижних чинов 49.

Во 2 стрелковом отряде под начальством подпоручика ластовых экипажей Губарева нижних чинов 50.

В отряде волонтеров за раскомандировками 18.

В отряде для потушения пожара под начальством поручика Кошелева нижних чинов 69.

Итого: 567

На фрегате "Аврора" 284.

На транспорте "Двина" 65.

При мне состояли правитель канцелярии коллежский асессор Лохвицкий, инженер-поручик Мровинский, гардемарин Колокольцов, юнкер Литке и нижних чинов 6.

Всего:

Штаб-офицеров 24.

Обер-офицеров 37.

Волонтеров и нижних чинов 879.

От Кошки к берегу проведен бон.

Места батарей и расположение судов показаны на плане, при сем представляемом.

17 августа в 10 часов пополуночи подан был сигнал: “Вижу военную эскадру из 6 судов”; в час пополудни пробита тревога. Команды стали по батареям; 1 стрелковый отряд между батареями № 2 и № 4, в кустах в закрытом месте; 2-й отряд на гребне Сигнальной горы; 3-й с пожарными инструментами около гауптвахты, квартира моя назначена у подножия Сигнальной горы около батарей; волонтеры у батареи № 7. В половине 5 часа увидели входящий в Авачинскую губу трехмачтовый пароход под американским флагом, людей на пароходе было мало; пароход остановился, не доходя мили три до Сигнального мыса; навстречу ему выслан был на вельботе штурманский офицер прапорщик Самохвалов для осмотра судна, но пароход, завидя шлюпку, тотчас поворотил назад; в это время показалось на нем много народа. Было очевидно, что эскадра, крейсирующая у входа, есть неприятельская. Американцы, проживающие в Петропавловском порте, изъявили сильное негодование за то, что пароход воспользовался флагом их нации.

18 августа поданы сигналы: “Эскадра из 6 судов под английским флагом идет во вход губы”; в начале 5 часа пополудни, при юго-восточном ветре, эскадра вошла в следующем порядке: 3-мачтовый английский пароход “Вираго”; бриг французский “Облигадо” 18-пушечный; фрегаты: “Президент”, английский адмиральский 52-пушечный, “Пик”, английский 44-пушечный, “Форт”, французский адмиральский 60-пушечный, и фрегат малого ранга с закрытой батареей “Евридис”; французский 32-пушечный. “Форт” и “Президент” под контр-адмиральскими флагами, прочие под ординарными вымпелами. В это время, отдав приказание стрелять по неприятелю, ежели он не остановится и будет проходить ба-

тарей, я находился на батарее № 1. Эскадра шла на NNW и поравнялась с Сигнальным мысом на расстоянии дальнего пушечного выстрела, проходя к перешейку. Тогда с батареи № 3 пущено первое ядро. Неприятель отвечал несколькими выстрелами, после чего батареи № 1, 2 и 4 открыли огонь, но с одной только батареи № 1 ядра и бомбы попадали в неприятельские суда. Эскадра тотчас поворотилась на запад и вышла из-под выстрелов; я приказал прекратить стрельбу. Неприятель бросил еще несколько ядер и бомб, стал на якорь. Сражение кончилось в половине шестого часа. С нашей стороны убитых и раненых не было; повреждений в судах, в городе и на батареях никаких не сделано. Замечено, что фрегаты и пароход имеют бомбические орудия более нежели 2-пудового калибра; ядро весило 86 английских фунтов. По наступлении ночи 1 стрелковый отряд переведен на Кошку, с которой протянут был на берег леер для сообщения на барказе; второй отряд расположен у перешейка; волонтеры поставлены у озерной батарее. Батарея на Красном яре, устроенная далеко от города, заставляла опасаться, что неприятель сделает ночью на нее нападение; между тем малочисленность гарнизона не позволяла отделить особую партию для защиты батареи, ибо в случае нападения на другой пункт партия эта в ночное время не могла подоспеть на помощь; необходимо было все отряды для отражения десанта иметь сосредоточенными на Красном яре. Командиру батареи на Красном яре приказано было удерживать сколь возможно долее неприятеля; в крайности заклепать орудия и отступать на батарею № 2. 2-му отряду соединиться с 1-м на Кошке и беглым шагом идти на место сражения. Ночь прошла спокойно.

19 августа эскадра стояла в том же положении. В 6 часов утра неприятель послал 3 гребных судна к Раковому мысу, которые делали промер и, осмотрев город, не приставая к берегу, воротились к эскадре. Вскоре пароход снялся с якоря, отправился к выходу в море для рекогносцировки и скрылся за Раковым мысом; через несколько минут слышны были 7 выстрелов; через полчаса пароход показался на рейде, стал на северном конце эскадры и начал бросать из мортир бомбы

через перешеек, Сигнальную и Никольскую горы; фрегаты также бросили несколько бомб и ядер через батарею № 1; наши батареи молчали, потому что неприятель находился вне выстрелов наших пушек; но вскоре он убедился, что по дальности расстояния не может сделать никакого вреда, и прекратил канонаду.

В два часа показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестерку. Он послан был в Тарью за два дня до появления неприятеля; плашкоут прямо держал на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов; заметив их, плашкоут стал держать на северо-запад и удаляться от эскадры. К несчастью, ветер стих и гребные суда завладели плашкоутом.

В ночь с 19-го на 20-е диспозиция отрядов назначена по-прежнему. Получено донесение от унтер-офицера Яблокова с дальнего маяка, что в пароход сделаны им три выстрела из орудия 36-ф[унтового] калибра, на что пароход отвечал четырьмя выстрелами из мортир и поворотил назад в губу. 20 августа на рассвете замечено, что десантные боты и несколько шлюпок нагружались десантом и приставали к пароходу. Общее движение на эскадре, частые сигналы, приготовления к снятию с якоря показывали, что неприятель намерен сделать решительное нападение. Ожидая нападения десанта на батарею № 4, я поставил 1-й отряд стрелков и отряд волонтеров из 18 человек между батареями №№ 2 и 4, на высоте в кустах, чтобы скрыть от неприятеля; 2-й отряд расположен был у Сигнальной горы; 3-й – для потушения пожаров в городе. По отрядам приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками и драться до последней капли крови; командирам фрегата “Аврора” и транспорта “Двина” защищаться до последней крайности; но если уже нельзя будет действовать орудиями, то суда зажечь, свести команду на берег и присоединиться к отрядам.

В половине 6 часа я пригласил на батарею № 1 священника Георгия Логинова отслужить молебен о даровании всемогущим богом победы... Неприятель во время чтения св. еван-

гелия начал стрелять в батарею бомбами и ядрами, которые, пролетая над головами бывших на батарее, падали вблизи берега в Малую губу, не причиняя никому вреда...

Между тем пароход взял на буксир фрегат, с левого борта “Президент”, с правого “Форт”, с кормы “Пик” и повел к Сигнальному мысу. Я вновь сошел на батарею и, показав команде на неприятеля, сказал: “Многие из нас умрут славною смертью, последняя молитва наша должна быть за царя”. Команда пропела “Боже, царя храни”, и затем загремело “Ура!” по всем батареям, отрядам и на судах.

Неприятель медленно приближался. Отдав приказание стрелять, когда суда будут на пушечный выстрел, я поднялся на Сигнальную гору над батареей. Командиры батарей, горевшие желанием начать бой, открыли огонь рано, почему я немедленно приказал ударить отбой. Вскоре, однако ж, ровно в 9 часов, началось сражение. Фрегат “Пик” первый стал на якорь со шпрингом, вправо от Сигнального мыса и открыл продольный огонь по батарее № 1 и на гребень Сигнальной горы. За “Пиком”, на расстоянии 1 1/2 кабельтова, остановился “Президент”, далее “Форт”; пароход держался южнее последнего фрегата и бросал в батареи бомбы. Неприятель расположил фрегаты таким образом, что фрегат наш “Аврора” и транспорт “Двина”, равно как и батарея № 3, не могли действовать на них; ядра с батареи № 2 едва долетали, почему велено прекратить огонь и стрелять только тогда, когда фрегаты будут приближаться; позиция эскадры во время сражения означена на плане. Каждый неприятельский фрегат имел с кормы верп. Две батареи наши № 1 и 4 были совершенно открытые, имели только 8 орудий и дрались против 80 орудий 3 фрегатов и парохода, на котором были бомбические орудия и мортиры. Сначала неприятель действовал наиболее против батареи № 1, которая, находясь ближе прочих к фрегатам и имея два бомбических орудия, вредила фрегатам более других батарей. В 3/4 десятого дали знать, что командир батареи лейтенант Гаврилов ранен, я послал в помощь ему подпоручика Губарева; в исходе десятого дано знать, что из команды, кроме убитых, много раненных камнями, у

орудий повреждены бруки и станки и что на платформу навалило ядрами камня и землю так, что действовать орудиями невозможно. Удостоверясь лично в справедливости донесения, я приказал заклепать орудия, взять остальные картузы и отправить на батарею № 2; офицерам с командою вместе с первой партией стрелков идти к батарее № 4, ибо в это время от фрегатов отвалили 13 гребных судов и два десантные бота с десантом не менее 600 человек и направились к мысу южнее сей батареи. С фрегата “Аврора” сделали по ним несколько выстрелов, но ядра не достигали. В то же время отдано приказание поднять крепостной гюйс на батарее № 2 и, когда он будет поднят, то крепостной флаг с Сигнального мыса перенести в город, что и было исполнено в точности. Мера сия была необходима, ибо когда батарея замолчала и команда с нее была свезена, то флаг оставался без защиты. Вместе с тем сделано распоряжение, чтобы батарейные командиры батарей № 3, 6 и 7, не участвовавшие в то время в деле, оставив у пушек по два

*Рис. из книги М. А. Сергеева
«Оборона Петропавловска
на Камчатке», М., 1954*

человека, шли с своей командой для отражения неприятеля, если он устремится с Красного яра на батарею № 2 или в город; сам я отправился к 3[-му] стрелковому отряду и повел его к батарее № 2, где присоединился ко мне командированный по приказанию моему командиром фрегата “Аврора” отряд из 32 человек нижних чинов под начальством мичмана Фесуна.

Командир батареи № 4 мичман Попов действовал все время по неприятельским судам с отличным успехом и по необыкновенному счастью, несмотря на град ядер, сыпавшихся на батарею, не потерял ни

одного человека из своей команды. Когда он усмотрел приближение неприятеля, быстро подвигавшегося от мыса южнее Красного яра, то спрятал в приготовленное заранее место оставшийся у него порох, сделал еще по выстрелу из каждого орудия, потом в виду десанта заклепал орудия и начал отступать, отстреливаясь, к 1 отряду стрелков, спешивших к нему с волонтерами на помощь. Неприятель, завладев батареей, поднял французский флаг, но в это время фрегат “Аврора” и транспорт “Двина” начали стрелять в десант; с английского парохода, по ошибке, пущена бомба, которая лопнула в неприятельской толпе на самой батарее; неприятель, не дожидаясь нападения наших отрядов, побежал к шлюпкам и отвалил немедленно от берега. Отрядам приказано возвратиться, ибо с фрегатов стреляли по ним ядрами.

Пароход на расстоянии дальнего пушечного выстрела два раза становился против фрегата “Аврора” и начинал бросать бомбы в суда и в город; но тотчас же был прогоняем меткими выстрелами с фрегата; ядра с транспорта “Двина” не долетали до парохода.

Неприятель, принудив умолкнуть батареи № 1 и 4, направил все орудия трех фрегатов и парохода на батарею № 2, которая служила теперь единственным препятствием к нападению на наш фрегат и транспорт; командир батареи князь Максutow хладнокровием и геройским мужеством оказал в этот день неоценимую услугу. Сберегая людей за бруствером в то время, когда батарею осыпало ядрами, бомбами и гранатами, он сам подавал пример неустрашимости, ходил по батарее и ободрял команду, выжидая времени, когда фрегат “Президент”, бывший к батарее ближе других фрегатов, травил кормовой кабельтов и приближался к батарее. Князь Максutow посылал меткие выстрелы, распоряжаясь, как на ученье; батарея стреляла с расстановками, но метко, не тратя даром пороха, которого было очень мало; все усилия трех фрегатов и парохода заставить замолчать батарею остались тщетными; таким образом дело продолжалось до 6 часов. Во время самого дела командир фрегата “Аврора”, зная, что на батарее № 2 ограниченное число картузов, отправил на бата-

рею с фрегата порох, который под неприятельским огнем доставлен благополучно на катере мичманом Фесуном.

В продолжении битвы фрегатов с батареей № 2 фрегат малого ранга “Евридис” и бриг подходили два раза, имея десант в шлюпках, под выстрелы батареи № 3 и были прогоняемы ядрами; одна шлюпка с десантом потоплена; в то время на батарее распоряжались лейтенант Анкудинов и корпуса морской артиллерии прапорщик Можайский за отсутствием командира князя Максудова 2, посланного против десанта.

В половине 7-го фрегаты отступили и заняли позицию, как показано на плане.

В сражении 20 августа с нашей стороны убитых нижних чинов 6, раненых обер-офицер 1, нижних чинов 12.

Повреждения на батареях:

№ 1 – у одной бомбической пушки сколоты поворотный брус и деревянные станочные подушки, сломан болт у подъемной коробки; у 36-фунтовых пушек сломаны: передние и задние оси и три колеса и лопнули брюки; у других орудий лопнули трое талей и четыре стропки для закладывания их; сломаны четыре банника и два приборника, платформа в некоторых местах поломана; бруствер в двух местах поврежден ядрами.

№ 2 – у 2-го орудия перебит бряк; у 4-го орудия окончание дула повреждено немного и перебит бряк; у 8-го орудия – левая станина и перебит бряк; у 10-го орудия окончание дула немного повреждено и у станка – правый горбыль; у 11-го орудия подбит станок, а именно: левая станина, передняя связная подушка, передний связной болт, заднее колесо и бряк; сломаны: приборник, две чеки в осях, три в станинах и четыре ганшпуга.

№ 4 – у станков перерублены: оси, три бряка, трое талей; изломаны прицелы у всех орудий и ударные молотки; расколота одна станина; разорвано два пороховых ящика; не оказалось трех кокоров, одной лядунки, четырех колес, цапфенных горбылей трех и двух медных протравок.

Потеря неприятеля неизвестна; убитые и раненые на батарее Красного яра, в том числе один офицер, увезены на шлюпках; повреждения в судах были немаловажны; наши ядра

долетали большей частью рикошетами и били в корпус судна; в зрительную трубу можно было различить во многих местах пробоины; неприятель, отойдя на позицию, тотчас же приступил к исправлениям; ночью слышны были плотничные работы.

21 числа неприятель продолжал исправлять повреждения и кренил пароход.

В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом; на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев. Первый передал мне от французского адмирала письмо следующего содержания:

“Его превосходительству господину губернатору Завойко.
Господин губернатор.

Благодаря военной случайности в мои руки попала русская семья. Имею честь вернуть ее Вам. Примите, г. губернатор, уверение в моем высоком почтении. Командующий адмирал и шеф К. Депуант”. (В подлинном рапорте записка по-французски. Перевод наш. – Прим. составителя сборника “Защитники Отечества” доктора исторических наук Б. П. Полевого.)

Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкоуте с 4 тысячами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял с собою жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми. Неприятельскую эскадру они приняли за эскадру адмирала Путятина, и хотя, подойдя ближе, узнали неприятельские флаги и отворотили от эскадры, но гребные суда отрезали им отступление; выстрелы, слышанные ими накануне и утром 19-го числа, приняты ими были за салюты и за пальбу в цель; оружия они не имели. Квартирмейстер Усов передал, что на фрегате “Форт” убито 7 человек и что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались; что офицеры, отпуская его, обещали остальным пленным освобождение, когда Петропавловский порт будет взят.

22-го и 23-го числа неприятель продолжал исправлять свои суда; фрегат “Форт” исправлял корпус, пароход “Вираго” починивался, накренившись на правую сторону. В это время исправляли батареи наши № 1 и 4, которые и приведены были в состояние действовать, № 1 двумя бомбическими и одним

36-ф[унтового] калибра орудиями; № 4 орудиями двумя 24-ф[унтового] калибра; таким образом, неприятель мог ожидать со стороны Малой губы такого же почти отпора, как и 20-го числа. Этим обязан я деятельности, усердию и знанию дела корпуса морской артиллерии прапорщику Можайскому, весьма достойному и скромному офицеру.

24-го числа в 4 часа пополудни замечено движение на пароходе; неприятель приготавливал десантные боты, барказы и шлюпки для своза десанта. Пробита тревога. Мы приготовились к бою. В этот раз следовало ожидать самого решительного нападения: по позднему времени эскадра не могла долго оставаться в этом крае; я обошел батареи, отряды и суда, призывая команду драться храбро, как следует Русским воинам, на что было общим ответом: “Умрем, а не сдадимся”. Фрегат “Пик” стоял особо от эскадры, ближе к Тарьинской губе.

В 1/2 6-го часа пароход взял на буксир два фрегата, с левого борта “Президент”, с правого “Форт” и повел по направлению к перешейку. Неприятель намеревался испытать счастье с другой стороны Петропавловского порта. Действительно, пароход отдал буксир французского адмиральского фрегата, который и стал на якорь со шпрингом против батареи № 3; потом пароход подвел английский адмиральский корабль к батарее № 7, ставший на якорь в 2-х от нее кабельтовых; пароход прошел немного далее. В этот день неприятель имел еще более преимуществ на своей стороне. 30 орудий фрегата “Форт” действовали против 5-ти орудий батареи № 3, совершенно открытой и не имевшей даже выгоды находиться на возвышенности; у озера 26 орудий “Президента” и бомбические орудия парохода громили крытую батарею, которая по расположению своих орудий могла действовать только тремя 24-фунтового калибра полупушками.

Когда еще не было известно, какое направление возьмет пароход, то 1-я стрелковая партия послана была на позицию между батареями № 2 и 4, но когда пароход поворотил к перешейку, то приказано было отряду возвратиться и стать около порохового погреба, где расположены были 2 и 3 отря-

ды и 15 человек волонтеров. Ожидая высадки десанта к озеру, я потребовал от командира фрегата прислать в подкрепление гарнизона отряд, во исполнение чего капитан-лейтенантом Изыльметьевым прислана партия из 33 нижних чинов с гардемаринном Кайсаровым под командою лейтенанта Анкудинова.

Первый огонь открыла батарея на перешейке; “Президент”, будучи еще на буксире, отвечал батальным огнем: батарея продолжала действовать скоро и успешно; первыми ядрами сбит на фрегате “Президент” гафель, и английский флаг упал; англичане поторопились поднять; так как на этот раз фрегат стал на якорь близко от батареи, надеясь, вероятно, уничтожить ее немедленно, то наши выстрелы попадали без промаха, однако ж команда, осыпанная ядрами и лишившаяся уже

многих убитыми и ранеными, дрогнула; она состояла наполовину из молодых солдат, присланных в Камчатку из Иркутска и едва еще привыкших управляться с орудиями; командир батареи князь Максutow 2-й бросился к орудию и начал сам заряжать его; это подействовало на команду; батарея, поддержанная геройским мужеством командира, продолжала гибельный для неприятельского судна огонь и утопила одну шлюпку с десантом; князь Максutow сам наводил орудия до тех пор, пока не пал с оторванной рукой. На фрегате “Форт” раздалось “ура” – так дорого ценил неприятель нашу потерю. Батарея, лишившись командира, замолчала. С фрегата послан был мичман Фесун, но пока он съезжал на берег, неприятель продолжал бить в батарею со всех своих орудий и привел ее в невозможность действовать.

Оборона Петропавловска. Худ. Ю. Н. Назаров

Батарея № 7, защищенная земляным валом, держалась несколько долее и вредила сколько могла фрегату и пароходу. Командир капитан-лейтенант Кораллов оставался на батарее даже после того, когда орудия были сбиты и завалены землею и фашинником, пока не был уведен с батареи, ушибленный дресвою в голову. Получив донесение, что батарея не может действовать, я велел команде присоединиться к отрядам.

Сбив батарею, неприятель отправил десант с двух десантных ботов и 23 гребных судов по направлению к батарее № 7, под защитой орудий фрегата “Президент” и парохода, обстреливавших Никольскую гору. За десантом следовал на шлюпке французский контр-адмирал с обнаженной саблей, отдавая приказания.

В начале сражения я послал 2-й отряд стрелков и 15 человек волонтеров занять вершину спуска Никольской горы к озеру, по которой неприятель легко мог взойти на гору; этого достаточно было, чтобы удержать первый натиск неприятеля; остальные отряды находились у порохового погреба и по мере надобности могли быть двинуты немедленно; между тем казалось вероятным, что неприятель употребит усилия, чтобы овладеть батареей № 6 на озере, потому что взятие ее могло бы решить участь города; по этой-то причине я держал остальные отряды сосредоточенными вблизи батареи... и, несмотря на выгоду занять вершину Никольской горы, с которой можно было действовать ружейным огнем по десанту, решился послать туда только до 15 человек лучших стрелков. Судя по числу гребных судов, я заключил, что десанту послано на озеро до 700 человек; для отражения их я имел только 204 человека.

Действительно, часть неприятельского авангарда выстроилась на Кошке, обошла Никольскую гору и показалась против озерной батареи, но неприятель, встреченный картечью с батарейных орудий и с полевого орудия, отступил, унося убитых и раненых; вторая попытка неприятеля броситься на батарею имела те же последствия. Командир 2-й стрелковой партии, которому приказано было стягивать цепь к тому мес-

ту, на которое устремятся большие силы неприятеля, следя за движением его к батарее, спустился ниже и открыл беглый огонь; в это время десантные войска быстро и беспрепятственно взойшли на гору; значительная часть собралась на северной оконечности и начала спускаться вниз, остальная часть пошла по гребню и соединилась с десантом, высаженным в подкрепление к первому в 5 гребных судах, отваливших от фрегата малого ранга “Эвридика” и брига “Облигадо” к перешейку. С этой стороны неприятель открыл уже ружейный огонь по командам наших фрегата и транспорта.

Фрегат “Евридис”, державшийся в начале сражения под парусами, подошел потом к батарее Красного яра на выстрел, но встреченный меткими выстрелами с сей батареи, которою командовал по недостатку офицеров корпуса морской артиллерии кондуктор Дементьев, и с батареи № 1, состоявшей под командой мичмана Попова, отошел и стал западнее фрегата “Форт”; бриг стал около самого “Форта” и бросал ядра через перешеек в фрегат.

Прежде, нежели десант показался на гребне, я, удостоверившись, что неприятель оставил намерение напасть на батарею с озера и поднимается в гору, послал отряды лейтенанта Анкудинова и мичмана Михайлова занять северную оконечность Никольской горы и прогнать оттуда неприятеля штыками, если успеет взойти; последний отряд пошел на левом фланге 1-го, а левее его еще 30 человек из 3-го стрелкового отряда под командой поручика Кошелева.

Узнав тогда же, что другой десант свезен к перешейку, я дал знать об этом командиру фрегата “Аврора”, приказав ему отрядить сколько возможно более команды на Никольскую гору; в подкрепление же им послан мною немедленно фельдфебель Спылихин с 17-ю нижними чинами из 3 стрелкового отряда; остальные из сего отряда оставались в резерве вместе с присоединившейся командой с батареи № 7 и 15-ю отозванными волонтерами. Командир фрегата по получении приказа моего послал следующие отряды: 22 человека с батареи № 3 под командой прапорщика Жилкина левее гребня; 33 человека под командой лейтенанта Пилкина прямо по греб-

ню; 31 человек под командой мичмана Фесуна правее гребня. С батареи № 2 посланы были 22 человека под начальством гардемарина Давыдова, который повел их на гору между двумя отделениями 3 стрелкового отряда.

Фрагмент боя на Никольской сопке. Современная реставрация

Едва отряды наши стали входить на гору, как неприятель был уже на гребне и занял высоты до самого почти перешейка. Самое большое скопление десанта было на северной оконечности Никольской горы, откуда, как я упомянул выше, неприятель начал спускаться вниз, открыв жестокий ружейный огонь по 2-й стрелковой партии, по команде озерной батареи и резерву; но стрелки скрыты были кустами, батарейная команда отстреливалась из рвов и из-за орудий, резерв, сделав по неприятелю залп, стал под защиту порохового погреба, полевое орудие встретило неприятеля картечью; так

как отряды лейтенанта Анкудинова и мичмана Михайлова стали приближаться к неприятелю, то стрельба снизу была прекращена. В это время из находившегося при мне резерва я отрядил человек 30 под командой капитана 1 ранга Арбузова и послал в подкрепление отрядов; ранее сего такое же подкрепление послано было командиром фрегата под командой лейтенанта Скандракова. Но мера, принятая мною, оказалась излишней; малочисленные отряды наши, воодушевленные храбрыми командирами, дружно и безостановочно шли вперед, стреляя в неприятеля, и потом с криком “ура” почти в одно время ударили в штыки. Неприятель держался недолго и, несмотря на свою многочисленность и на храбрость офицеров, которые умирали, но не отступали, побежал в беспорядке, стараясь добраться до гребня; здесь их ожидала верная гибель: одни были сброшены с утеса штыками, другие сами бросались вниз, надеясь спуститься к берегу. Утесы Никольской горы крутые сверху, далее спускаются почти перпендикулярно, и потому на берег падали только обезображенные трупы. Отступление неприятеля с северной оконечности горы и около перешейка совершалось в беспорядке, но не с таким уроном, ибо покатость горы в этих местах давала возможность скоро добраться до берега. Спустившись вниз, неприятель с обеих сторон бежал к шлюпкам, унося трупы товарищей. Отступление на гребных судах было еще бедственнее для врага; отряды, заняв высоты, стреляли по сплоченной массе людей; убитые и раненые падали в воду или в шлюпки, откуда раздавались стоны; один фрегатский барказ ушел только под 8 веслами, на другом люди подымали вверх руки, как бы прося пощады; несколько человек брели по горло в воде, стараясь догнать удаляющиеся гребные суда, пускались вплавь; не многие находили спасение.

С фрегатов и парохода били вверх ядрами и бомбами, но отряды, избравшие хорошие позиции, не потерпели от них нисколько; по приближении шлюпок к пароходу он взял большую их часть на буксир и повел по направлению к Тарье; остальные шлюпки пошли на гребле; фрегаты снялись с якоря и спустились по тому же направлению.

Сражение кончилось в половине 12 часа. Отряды, убрав раненых, построены были в каре... Вновь загредело “ура”.

В сражении 24 числа убито нижних чинов 31, ранено: обер-офицеров – 2, нижних чинов – 63.

Повреждения на батареях: на батарее № 3, у 1-го орудия отбита дульная часть, у 2-го расколот торельный пояс, разбито 2 станка, перебиты пара талей, сломан 1 банник, перебит один брюк, сломано 5 ганшпугов и не оказалось одной лядунки. На батарее № 7 у 1, 3, 4 и 5 орудия повреждены станины, у 2, 4 и 5 повреждены рымы, у 1-го орудия оторвало часть дула, у всех орудий сломаны замки, у всех орудий перерублены брюки и тали, у 4-го и 5-го орудия повреждены подушки, у 2-го расколот клин и нет одного сезня, пороховой котел пробит, бурава все сломаны, разбиты 3 кокора.

Повреждения на судах: на фрегате “Аврора”:

1) Грот-мачта прострелена ядром навывлет между $1/3$ и $1/2$ высоты от палубы.

2) Четыре пары грот-вант, огон-лось-штага и шхентель грот-стень-вынтрера перебиты бомбою.

3) Грот и крьюйс брам-стеньги с громоотводами и правые шкафутные сетки – ядром.

4) Фор-марсовая железная путень ванта и стень-фордун с правой – ядром.

5) Поврежден во многих местах брам такелаж ядрами и бомбами.

На транспорте “Двина”:

1) На форштевне с левой стороны по грузовой ватерлинии пробито ядром место в половину ядра.

2) На той же стороне у фоковых вант пониже белой полосы, повыше медной обшивки пробито осколком бомбы.

3) Бывший для швартова с левой стороны перлень перешибло ядром на 30 сажнях.

Повреждения в городе:

Сгорел рыбный сарай близ батареи № 7; повреждено ядрами 11 домов и 5 других зданий; все легко могут быть исправлены, не разрушено и не сожжено ни одного.

В Петропавловском порте найдено 38 неприятельских тру-

пов, в том числе четыре офицера; в плен взято 4, из них трое тяжело раненных; принимая же в расчет, что утоплен неприятельский катер, в котором было от 40 до 50 человек, и что один барказ, наполненный мертвыми и ранеными, шел только на 8 веслах и потерял не менее как человек 80, что с других гребных судов многие убиты и ранены и что, наконец, на неприятельских судах также не обошлось без потери в людях, можно заключить без преувеличения, что потеря неприятеля в сражении 24 числа не менее 300 человек, а всего во время нападения на Петропавловский порт до 350 человек. Взято английское знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей.

*Английский адмирал Д.-П. Прайс
в 1837 г. ещё в чине капитана.*

*Из книги Ю. Завражного
«Забывать адмирала»*

Повреждения на судах замечены: на обоих фрегатах во многих местах пробоины в корпусе и перебиты ванты; на английском фрегате “Президент” сбит гафель и перебита крьюйс-стенга; на фрегате “Форт” перебита фока-рея; на берегу найдены обломки кормовых украшений; на пароходе поврежден кожух.

Пленные показали, что 18 числа, т. е. в самый день входа эскадры в Авачинскую губу, умер английский контр-адмирал Прайс, что будто бы он застрелился по неосторожности на верхней палубе в то время, когда наши батареи открыли огонь. Английский контр-адмиральный флаг не был спущен во все время пребывания эскадры на рейде.

25 августа пароход “Вираго” отправился в Тарьинскую губу, имея на буксире три барказа; прочие суда чинились.

Батареи наши № 3 и 7 исправлены в ночь с 24 на 25 число капитан-лейтенантом Тиролем, лейтенантом Гавриловым и капитан-лейтенантом Коралловым, из коих первая укреплена земляным бруствером, а разрушенные укрепления последней исправлены.

26-го пароход возвратился ночью; неприятель поднял большие гребные суда в ростры; в 8 часов пополудни плашкоут наш изрублен и отпущен по ветру; на французском контр-адмиральском фрегате поднята фока-рея, на английском контр-адмиральском поднята крьюйс-стенга. В 5 часов пополудни показался во входе в губу бот наш № 1, под командой боцмана Новограбленнова, и был уже в виду эскадры, но, предупрежденный людьми с Дальнего маяка, ушел в море и передал известие о неприятельской эскадре встретившейся с ним около Старичкова острова шхуне “Восток”, шедшей в Петропавловский порт с депешами от г. генерал-губернатора Восточной Сибири и с почтою.

27-го числа в половине 8-го часа пополудни эскадра снялась с якоря и вышла в море и скрылась из виду сего же числа. Бот прибыл в Петропавловский порт 1 сентября, а 2-го – корвет “Оливуца”.

Из найденной записки у убитого неприятельского офицера, как полагать можно, у командовавшего десантом, видно, что у северной оконечности Никольской горы высажено десанта 676 человек, да, кроме того, у перешейка в 5 гребных судах до 200 человек, всего же около 900 человек; десант этот был отражен и сброшен с горы малыми отдельными отрядами, в которых считалось 290 нижних чинов; что самое может свидетельствовать о храбрости отрядных командиров и их команды; вообще считаю обязанностью донести, что гг. штаб- и обер-офицеры и нижние чины исполняли свой долг с отличным мужеством и храбростью.

В заключение долгом считаю донести вашему имп(ераторскому) выс(очеству), что неожиданное прибытие фрегата “Аврора” в Петропавловск способствовало к увеличению средств обороны порта как орудиями, снятыми с фрегата для устройства батарей, так и тем, что из находящегося на нем большого

комплекта офицеров можно было назначить в командование этих батарей и стрелковых партий офицеров испытанных, которые, умев воодушевить людей, способствовали победе. По первому удару тревоги вся команда была на фрегате, больные оставили госпиталь, и дух людей был вообще таков, что на ободрение мое, сказанное перед сражением 24 августа, я получил единодушный ответ: “Умрем, а не сдадимся!”

Генерал-майор Завойко,

7 сентября 1854 г.

Петропавловский порт».

Из числа камчатских воинских подразделений, участвовавших в обороне Петропавловского порта, основным ядром был 47-й флотский экипаж.

Что мы знаем о нем? В 1850 г. был издан приказ начальника Главного морского штаба о создании на Камчатке флотского экипажа: «По случаю упразднения Охотского порта и образования Камчатской области – Охотский флотский экипаж, Охотскую мастеровую роту и Петропавловскую флотскую роту соединить в один общий состав под названием 46 флотского экипажа». В июне 1854 г. экипаж получил новый номер – 47. Личный состав экипажа активно участвовал в сооружении укреплений Петропавловского порта, в отражении нападения англо-французской эскадры в августе 1854 г. Геройски сражались офицеры, матросы экипажа, продемонстрировав отличную боевую вырубку, смелость и были удостоены высоких наград. Во время эвакуации Петропавловского порта в 1855 г. 47-й флотский экипаж направился на новое место дислокации в Николаевский-на-Амуре пост.

Как нам сегодня стало известно, в составе Камчатской экипажной роты, влившейся в состав Камчатского флотского экипажа, были многие уроженцы Камчатки – дети казаков и солдат (из расформированного в 1812 г. Камчатского гарнизонного батальона – Сомовского полка, как военного поселения на Камчатке в период 1800–1812 гг.). Вот некоторые данные за 1847 г., которые я в свое время обнаружил в Томске в Центральном государственном архиве Дальнего Востока

РСФСР, именно этим людям впоследствии пришлось, не щадя своей жизни, принять на себя главную тяжесть обороны Петропавловского порта:

Барабанщик – Яков Федорович Никифоров, уроженец Камчатской области.

Матрос-рулевой Роман Лукич Слободчиков – из камчатских казаков. В 1836 г. служил на военном боте «Алеут», ходил на нем в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. – на боте «Камчадал». В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота «Алеут» прапорщику Секерину, разжалован из квартирмейстеров в матросы.

Миныхин, Помаскин – из камчатских солдатских детей.

Марсовый – Михаил Васильевич Расторгуев (из камчатских детей). В 1834 г. на бриге «Камчатка» ходил на остров Гуагом.

Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин – из казачьих детей.

Григорий Иванович Винокуров – из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Варфоломей Осипович Копылов – из солдатских детей, уроженец Камчатки.

Алексей Петрович Корякин – из солдатских детей, уроженец Камчатки.

Павел Васильевич Усов – «Из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте “Алеут”» (ф. 1007, оп. 1, д. 299).

16 декабря 1853 г. командиром 47-го флотского экипажа был назначен капитан первого ранга Александр Арбузов.

В 1854 г. на Камчатке под его командованием были следующие офицеры (по документам ЦГА ВМФ РФ):

Капитан второго ранга Александр Васильев

Капитан-лейтенанты:

Николай Назимов

Александр Бачманов

Николай Чихачев

Василий Караллов

Лейтенанты:

Петр Гаврилов
Николай Башняк
Дмитрий князь Максутов
Павел Попов
Николай Рудановский
Александр Маневский
Александр Сгибнев
Яков Куприянов

Мичманы:

Петр Овсянкин
Григорий Разградский
Александр Петров
Иосиф Баснин
Василий Новицкий
Николай Ельчанинов

Причисленные корпуса морской артиллерии:

Капитан Владимир Белоцерковцев
Поручик Константин Сахаров
Цейхвахтер титулярный советник Ньянов (?)

5 марта 1855 г., после получения ответа императора Николая I на свой рапорт, доставленного в столицу князем Дмитрием Максутовым, Василий Степанович Завойко, уже контр-адмирал, командир Петропавловского порта, военный губернатор Камчатской области, издает приказ, копию которого мы получили недавно из Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ):

1.

Его Высокопревосходительство Генерал Губернатор Восточной Сибири уведомляет меня, что на мое донесение о приведении Петропавловского порта в оборонительное положение, о ревности и усердии, с которыми содействовали мне в этом все чины Петропавловских команд, и о той истинно мо-

лодецкой решимости, с которой оне обещали отстаивать порт до последнего человека, Государь Император удостоил собственноручно написать «Спасибо!»

С чувством сердечного восторга я объявляю это по команде в полном убеждении, что мои ратные товарищи порадуются вместе со мной, как Русские и как Православные воины, для которых Царское «Спасибо!» превыше всех наград.

«Спасибо!» сказал нам Царь, «Спасибо!» скажет Россия, и Бог не забудет тех, которые, с полным самоотвержением исполняя долг свой, всегда готовы умереть за Царя, Отечество и Православную Веру!

Его Высокопревосходительство при этом препровождает мне приказ Его Императорского Величества, которым я переименован в Контр-Адмиралы и пожалован Кавалером Ордена Святого Станислава 1-й степени; относя это к усердию и ревности, с которыми вспомоществовали мне все чины Петропавловского порта, я искренно душевно благодарю их и остаюсь в полном убеждении, что и впредь все они не пожалеют никаких трудов и усилий, там, где потребуют этого пользы службы Его Величества Государя Императора.

2.

Адъютант Его Превосходительства Г-на Генерал-Губернатора Восточной Сибири Эсаул Мартынов, прибывший 3-го числа этого месяца из Иркутска, привез депеши, заключающие в себе милости Царские за успешное отражение соединенной Англо-Французской Эскадры, нападавшей на Петропавловский порт; Его Высокопревосходительство Г-н Генерал-Губернатор Восточной Сибири сообщает мне для объявления по команде, что Его Высочество Генерал-Адмирал удостоил его рескриптом, в котором предписывает передать всем участвовавшим в обороне Петропавловска Высочайшее благоволение Его Императорского Величества, и то, что Государь Император чрезвычайно доволен всеми нами! Его Высочество Генерал-Адмирал в том же милостивом рескрипте поздравляет нас и от себя и радуется, что на берегах Восточного Океана, прославив себя истинно-Геройскими подвига-

ми, мы исполнили долг наш столь же ревностно, как наши товарищи моряки-черноморцы, ознаменовывающие себя в настоящее время подвигами столь примерной доблести.

Его Высокопревосходительство Г. Генерал Губернатор Восточной Сибири также поручил мне сказать от него всем вам, что он истинно щастлив вашими Геройскими подвигами, Монаршим за них милостями и ждет с нетерпением того времени, когда ему представиться случай лично вести вас в дело там, где потребует этого служба и куда призывает вас Ваша истинно-Геройская храбрость!

Его Высокопревосходительство с присланным им курьером препровождает Высочайшие награды: Мне, Господам Штаб и Обер Офицерам и нижним чинам.

О наградах этих будет сказано в приказе, следующим за сим. Теперь же спешу поделиться со всеми чувствами, возбужденными во мне Истинно-Отцовскою заботливостью Его Величества Государя Императора о всех нас!

Государь Император, вполне понимая то затруднительное положение, в котором находится Петропавловский порт как в отношении доставки продовольствия и подкрепления людьми, так и в отношении того, что в будущее лето при наших настоящих средствах мы можем подвергнуться нападению неприятеля, непомерно превосходящего нас силами; понимая все это и дорого ценя жизнь храбрых защитников Камчатки, уже знаменитых подвигами; Государь Император предписал Его Высокопревосходительству Г. Генерал Губернатору сделать распоряжение к переводу всех чинов Морского ведомства, в место, где их испытанное мужество принесет отечеству большую пользу, не подвергая их лишениям всякого рода, не разлучными при оставлении в Камчатке.

В следствие выше выраженной Высочайшей воле Его Высокопревосходительство Г. Генерал Губернатор предписал мне: по получении этого известия вооружить все суда, нагрузить в них казенное имущество и посадить на них всех чинов Морского ведомства и Гражданского Управления с их семействами, немедленно следовать к месту назначения. Объявляя об этом по командам, так же, как и о вышеозначенных Высочай-

ших к нам милостях, я с своей стороны спешу поздравить Всех Вас, мои сослуживцы, мои товарищи в Ратной славе, поздравить от души, благодарить от чистого сердца и сказать, что считаю себя счастливым, командуя подобными молодцами, сказать Вам, что горжусь вами!

Государь Император заботится об нас! Бог видит нас и Благодарное Отечество, отдавая полную справедливость, шлет нам дары свои! Кроме пожертвований, собранных жителями города Иркутска, подписка в пользу Камчатских защитников идет по всей Сибири, и, судя по усердию, с которым спешат возносить приношения, видно, какое участие вселил во всех подвиг наш! Теперь нам остается исполнить еще одно важное дело: нужно употребить все усилия к возможно скорейшему изготовлению судов для выхода в море, и я надеюсь, что здесь, как и всегда, Офицеры и нижние чины сделают все возможное, не щадя никаких трудов, работая с рвением, старанием и напрягая все их силы; надеюсь на это тем более, что каждый должен понимать, что успех нашего предприятия зависит от раннего выхода в море, чем, предупредив неприятеля, мы при помощи Божией можем надеется достигнуть по назначению благополучно, так как соединенные Англо-Французские Эскадры не могут и думать, чтобы мы оставили Авачинскую губу в столь раннее для навигации время.

Объявив по команде обо всем этом, я остаюсь в полном убеждении, что проникнутые чувствами глубокой благодарности к милостям Государя Императора и к его Отеческой о нас заботливости, все мы сделаем все, что можно, для того, чтобы и впредь с именем Героев-защитников Камчатки было соединено название неустрасливых моряков, не отступающих не перед какими препятствиями и всегда готовых идти туда, куда зовет их их долг и служба Царю и Отечеству.

3.

Я покорнейше прошу Гг. Командующего 47-м Экипажем, Командира фрегата Аврора и Медицинского Инспектора Петропавловского морского Госпиталя явиться ко мне завтра в 8 часов утра для принятия от меня Орденов для возложения

на Гг. Офицеров, показанных у сего в Списке, а Гражданским Чиновникам явиться ко мне, Гг. Лохвицкому и Горемыкину.

Список кому пожалованы ордена

Камчатскому Военному Губерн. и Командиру Петроп. Пор-та Контр-Адмиралу Василию Завойко.

47-й экипажа:

Капитану 2-го ранга Александру Васильеву.

Капитан-лейтенанту Василию Караллову, Петру Гаврилову, Князю Максотову.

19-го флотского экипажа капитанам 2-го ранга: Командиру фрегата «Аврора» Ивану Изъльметьеву.

Михаилу Тиролю 1-му.

Капитан-лейтенант: Михаилу Федоровскому, Константину Пилкину 1-му, Иосифу Скандракову, Евграфу Анкудинову.

Лейтенантам: Василию Попову 10-му, Николаю Фесуну, Дмитрию Михайлову.

Корпуса Морской Артиллерии подпоручику Николаю Можайскому.

Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени

Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Св. Владимира 3-й степени.

Св. Владимира 4-й степени.

Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Корпуса флотских штурманов поручику Василию Дьякову.

Св. Анны 3-й степени с бантом.

Подпоручику Семену Самохвалову.

Св. Анны 3-й степени с бантом.

Юнкерам: Константину Литке, графу Орурку. Гардемаринам (ныне мичманам): Ивану Колокольцову, Дмитрию Койсарову, Владимиру Давыдову, Гавриле Токареву.

Знаки отличия военного ордена Св. Георгия.

Медицинским чинам:

Статскому Советнику Антону Ленченскому.

Годовой оклад жалования 840 р. 60 коп.

Коллежскому Советнику Семену Петрошевскому.

Орден Св. Анны 3-й степени.

Доктору медицины Виталию Вильчковскому.

Орден Св. Анны 3-й степени без бантабез банта.

Управляющему аптекою титулярному советнику Федору Литкени.

Св. Анны 3-й степени с бантом.

Старшим врачам 18 флотского экипажа: Надворному Советнику Николаю Клингену, коллежскому Ассессору 1-го экипажа Михаилу Давыдову.

Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Состоящему по ластовым экипажам поручику Михаилу Губареву.

Св. Анны 3-й степени с бантом.

4.

Из присланных 18-ти знаков Св. Георгия по разделу на команду фрегата приходится шесть, на команду 47-го флотского Экипажа, Писарей всех Управлений Казаков и волонтеров двенадцать крестов, и из двенадцати остаются пять соответственно Статута ордена для отличивших в моих глазах, а именно:

1) Боцман Шестаков – был постоянно моим ординарцем день и ночь во время всего действия, был смелым и расторопным в посылках под ядрами и пулями, и в глазах моих не одного неприятеля отправил к спросу на тот свет (зачеркнуто – зачем за бусурмана на войну пришел), и все это (зачеркнуто – между делом), кроме исполнения своей обязанности.

2) [Боцман] Спихихин – он первый вызвав в Охотники 17-ть человек бросится в центр неприятеля, растянувшегося по горе, и, наделав ему в них переполоху, тем приостановил его движение, пока наши остальные партии подходили.

3) Пятидесятник Карандашев – будучи ранен тяжело, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погребца, и затем не оставил пушки, пока я не приказал отправиться в Госпиталь.

4) Унтер-офицер Абубакиров – имея четыре раны штыковых, хотя и легких, но также при которых кровь лилась ручьями, я его сам перевязал, и он отправился снова в дело (зачеркнуто – немедленно)! Для обстоятельства, когда он получил раны, должны быть свидетели.

5) Пятид. Томский – будучи легко ранен, при граде пуль не отошел от пушки, и, когда фитиль потух, то он, как (зачеркнуто – слышно) говорят, угольем выпалил в придувку – Требуется подтверждение, кто именно видел это.

Я прошу Г. Экипажного командира приказать ротным Командирам сделать опрос товарищам в воспоминании людей и засвидетельствовать как ротным Командирам, так и батарейным или партионным Офицерам соответственно Статуту, могут ли вышеозначенные нижние чины поддерживать честь ордена, и не заметим ли в них каких либо особенных проступков до принятия или участия в деле. Также в то же самое время доставить ко мне Списки с отметками отличия

избранных как Командира Фрегата, так и Экипажного Командира, также доставить мне список для раздачи денежной особой награды Охотникам 17-ти человекам, которые так бойко выбежали вперед при моем вызове, чем и были отличны мною от остальных, думавших о них как о новичках!

5.

Поручаю Г. Командующему 47 Флотским Экипажем завтрашнего числа после обедни собрать всех команд нижних чинов при Господах Штаб и Обер Офицерах на площади в полной парадной форме с ружьями и принести на древке крепостной флаг и Кормовой флаг с фрегата. Я буду иметь счастье сам лично явиться к фронту и поздравить товарищей с Монаршею Милостыями к нам и соответственно Статута Кавалеров Георгия, роздать знаки ордена счастливым нижним чинам, которые будут избраны. И потом принести вместе благодарственное молебствие за помощь Божию к нам за Царя и Россию.

6.

Высочайшими приказами, 1-го декабря 1854-го г. отданными, производится за отличие, оказанное при отражении нападения Англо-Французской Эскадры на Петропавловский порт в Августе сего года:

О Военных чинах № 1328 Флотских Экипажей из Капитан-лейтенантов в Капитаны 2-го ранга: 19-го Командир фрегата Аврора, Изылметьева с оставлением при той же должности и Тироль 1-й. Из Лейтенантов, в Капитан-Лейтенанты: 19-го Федоровский 1-й, Пилкин 1-й и Скандраков; 47-го, Гаврилов 2-й, Князь Максутов и 19-го Анкудинов.

Из мичманов в Лейтенанты:

19-го Попов 10-й, Михайлов и Фесун.

Из Юнкеров в Мичмана Граф Орурк и Литке.

Корпуса Штурманов: Поручик Кошелев в Штабс Капитаны; Подпоручик Дьяков в Поручики; Прапорщик Самохвалов в Подпоручики. Корпуса Корабельных Инженеров Поручик Гезехус в Штабс-Капитаны.

Состоящие по Адмиралтейству Прапорщики: Васильев и Милкин в Подпоручики.

Все со старшинством с 24 августа 1854 г.

Корпуса Морской Артиллерии Цейхвахтер 9-го класса Злобин переименовывается в Капитаны с состоянием по Арсенальным ротам того же Корпуса.

О чинах гражданских

№ 300

Петропавловского Портового Управления:

Архивариус, Титулярный Советник Зарудный в Коллежские Ассесоры.

Из Коллежских Секретарей в Титулярные Советники Управляющий Аптекою морского госпиталя Литкен. Бухгалтер Штаба Красноярров и отставной Салтыков из Губернских в Коллежские Секретари.

Портовый Казначей Юдицкий. Бухгалтер Конторы над портом, Хомяков и Комиссар Госпиталя Черный. Из Коллежских Регистраторов в Губернские Секретари. Обер-Аудитор Штаба Авлеев. Содержатель магазина Чудыбин.

Все со старшинством с 24-го августа 1854 г.

7.

Завтрашняго числа для дня Воскресения Христова всех нижних чинов от работ уволить и для служения Божественной Литургии отвести в Собор.

8.

Поручаю Г. Командующему 47 Флотским Экипажем и прочим частным Начальникам объявить всем Чиновникам и Нестроевым нижним чинам. Кто желает оставить в Петропавловском порте свои семейства, а кто (зачеркнуто – отправиться на Судах Камчатской флотилии и взять) с собою семейства (зачеркнуто – или кто не желает ли остаться здесь сам или семейство составить списки) и представить ко мне (непонятно что. – С.В.); а между тем рекомендую Г. Командующему Экипажем осмотреть внимательнее всех нижних чинов и не способных по болезням и проч. К строю, для сра-

жения с неприятелем, составить списки и представить ко мне немедленно. Господину Медицинскому Инспектору донести мне: о больных нижних чинах, состоящих в Госпитале: сколько из них могут выздороветь от болезни к 5 числу Апреля сего года и встретить действительную службу и кто именно безнадёжен к выздоровлению и должен будет оставаться в порте.

*Командир порта
Контр-Адмирал Завойко*

В итоге Петропавловский порт опустел. И потому потерялись следы многих из тех участников, а впоследствии и ветеранов обороны Петропавловского порта, носивших на груди бронзовые медали на Георгиевской ленте в память об участии в военных действиях в 1853–1856 гг., которые родились и выросли на Камчатке. Например, затерялись где-то следы (даже имя и отчество мы пока не знаем) верного ординарца В. С. Завойко боцмана Шестакова (хотя сама эта фамилия еще встречалась в Петропавловске в 1893 г. – Шестакова Мария Николаевна, по морскому ведомству вдова, 63 года, и петропавловский мещанин Шестаков Николай Иванович, 38 лет).

Пятым в списке героев Петропавловской обороны и третьим среди уроженцев Камчатки (Шестакова и Карандашева) В. С. Завойко выделяет пятидесятника Томского. Что мы знаем о нем: Томский Александр Никифорович, пятидесятник, казак Гижигинской казачьей сотни, переселившийся в Сероглазку. Из унтер-офицерских детей, с 10.01.1843 г. – казак, с 01.03.1848 г. – урядник, 05.10.1854 г. – пятидесятник. «С 18-го по 25 августа (1854 г.) находился в сражении против десантных войск соединенной англ.-фр. эскадры, бомбардированной П[етропавловский] порт. Был легко ранен, но не отошел от пушки» (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128). В 1882 г. внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры» (Горчаков А. А. Из истории обороны

Петропавловского порта в 1854 г. 27-е Крашенинниковские чтения. Петропавловск-Камчатский. 2010. С. 105).

Среди взрослых участников обороны Петропавловского порта были и дети. Они тоже были военными – кантонистами (кантонисты – малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, которые образовали как бы особое состояние или сословие лиц, принадлежащих со дня рождения к военному ведомству и в силу своего происхождения обязанных военной службой). А значит, что все они также были уроженцами Камчатки.

Вот, что пишет по этому поводу А. П. Сильницкий, разбирая архивные материалы Владивостокского портового архива (Вопросы истории Камчатки. Вып. 4. Петропавловск-Камчатский. 2009. С. 52): «По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а у другого, по имени Матвея Хромовского, одну руку оторвало, а другую ранило. Были ранены и некоторые другие кантонисты.

Кантонист Хромовский с удивительной твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжелой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети-кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали спускать кораблики. Завойко просил Муравьева довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним еще ребенком Хромовский сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитание своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи».

Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе Матвея Хромовского. Мы не знаем сегодня даже и имен тех десятилетних мальчишек, которые отдавали свои жизни за Веру, Царя и

Отечество наравне со взрослыми, обороняя Петропавловский порт.

Среди тридцати шести имен погибших в бою нижних чинов и волонтеров (по сообщению В. П. Кускова в очерке о пятидесятнике Карандашеве – см. ниже) два имени принадлежат камчатским казакам – Селиванов и Котельников (имена не указываются). Но по нашим данным, вполне возможно, речь идет о Николае Васильевиче Котельникове – казаке, действительно принявшим участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г. Нам удалось даже обнаружить его краткий послужной список: «Из унтер-офицерских детей, с 1830 г. в Гижигинской сотне, с 1852 г. переведен в Камчатскую казачью команду, с 1842 по 1846 гг. находился при Гижигинском рейде лоцманом для привода и вывода судов, по приказу ком. Петроп. порта от 1 марта 1853 № 34 за незнание порядка службы и дисциплины разжалован из пятидесятников в рядовые казаки» (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128). Но потом, как мы видим, он вновь восстановлен в своем чине. Фамилия Котельниковых на Камчатке, по нашим данным, не сохранилась.

О Селиванове информации немного: некий Селиванов (тоже без имени и отчества) в 1842 г. служит в Тигиле, являясь частным командиром местной казачьей команды, зауряд-хорунжим (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255).

В Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г. мы находим следующие сведения о казаках Селивановых из Сероглазки: Селиванов Григорий Ильич, отставной казак, 46 лет (то есть родился в 1847 г., накануне обороны Петропавловска). Поэтому мы подумали, конечно, о его отце – Селиванове Илье. Но в этих списках также и отставной казак из Большерецка Николай Ильич (41 год), петропавловский казак Иван Ильич Селиванов (36 лет) и даже кантонист Селиванов Иван Ильич 2-й (20 лет), рожденные, если это братья, гораздо позже Григория Ильича, поэтому их отец, слава Богу, не погиб при обороне Петропавловска, хотя, надо полагать, был участником тех исторических событий.

Мы продолжили свои поиски и обнаружили, что в это же

*Казаки Петропавловска в 1870 г.
Фото Калиновского*

время в Халактырке (в «выселках» Петропавловска) проживал отставной урядник казачьего ведомства Михаил Кузьмич Селиванов, которому в тот год исполнилось 54 года.

Позже мы нашли сведения о пятидесятнике Николае Селиванове, которому в связи с 200-летием присоединения Камчатки к России была в 1897 г. вручена медаль «За усердие» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Но его возраст нам неизвестен.

Затем уже в «Книге памяти жертв политических репрессий» мы обнаружили информацию о Николае

Николаевиче Селиванове, 1876 г. р., уроженце Петропавловска, который жил, а потом был арестован в селе Колпаково и приговорен к году гласного контроля по месту жительства. Вполне возможно, что его отец так же, как и Михаил Кузьмич, родился до петропавловских событий 1854 г., но более вероятна связь с отцом Михаила Кузьмича, отец которого по возрасту мог быть реальным участником обороны Петропавловска и сложить голову за Веру, Царя и Отечество. Но пока это только рабочая гипотеза.

Особое место в приказе В. С. Завойко, как мы помним, отводится роли волонтеров, которые под командой боцмана Степана Васильевича Спылихина (из мещан Казанской губернии) в самый критический период обороны спасли поло-

жение и своими меткими выстрелами сдержали яростный натиск врага до подхода основных сил.

Юлия Завойко, жена губернатора, в своих «Воспоминаниях о Камчатке и Амуре» называет еще одно камчатское имя: «Наших (погибших. – С. В.) было 35 человек, между ними были и волонтеры, и мой старик Дурынин сложил свою старую голову за батюшку царя, послав перед тем не одну меткую пулю во вражескую силу. Перед сражением он говорил мужу: “Теперь я пойду с другими бить супостатов, а потом ты, старик, пошли меня к своей хозяйке, я скорее всех бегаяю” (Дурынин уводил семью Завойко за город в Хутор. – С. В.). Камчадалы называют начальника стариком».

Жители города и окрестных сел, как мы помним из наградного представления контр-адмирала Завойко на орден Святого Георгия боцмана С. В. Спылихина, составляли отряд из 17 волонтеров, каждый из которых заслужил особую денежную награду из рук Василия Степановича Завойко. Как отмечалось в воспоминаниях участников последнего боя, камчадалы-охотники, расположившись на гребне Никольской сопки, метко поражали своими выстрелами отступавшего противника. Известно, что в бою погибли купец Калмаков, сын купца Сахарова, камчадал Дурынин.

Если Дурынин был природным камчадалом, а не камчадалом «русской крови», как большинство из тех матросов, казаков, священнослужителей и остальных жителей Петропавловска, фамилии которых мы называем в этом очерке, то, вероятно, он был уроженцем или жителем села Коряки (самого ближайшего к Петропавловску аборигенного поселения, которое было приписано к Петропавловскому собору – в 1893 г. в Коряках проживала семья камчадала Петра Константиновича Дурынина, которому шел 51 год, то есть родился он задолго до возможной гибели «старика» Дурынина и мог быть или его младшим братом, или сыном).

Купец Калмыков (Колмаков) был городским старостой Петропавловска в 1840-е гг.

Потомки купца Сахарова – мещане Сахаровы – жили в основном на выселках в Халактырке. В 1878 г. мещанин Иван

Сахаров нашел в Авачинской бухте две медные пушки времен Крымской войны. Но имена-отчества погибших, к сожалению, нам пока установить не удалось. Как не знаем мы фамилий наших земляков, – нижних чинов – сложивших голову в тех боях.

А. П. Сильницкий называет в числе героев обороны Петропавловского порта корпуса морской артиллерии кондуктора 2-го класса Петра Белокопытова: «...в то время, как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и сбросил ее в ров, где и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отвратил многие несчастья, могшие произойти от взрыва порохового погреба» (Сильницкий А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива. Вопросы истории Камчатки. Вып. 4. Петропавловск-Камчатский. 2009. С. 52–53). В 1893 г. по морскому ведомству Петропавловского порта проходит вдова Белокопытова Пелагея Николаевна (58 лет), а также мещане Белокопытовы.

Сильницкий же находит сведения еще об одном подвиге камчатцев: «47-го флотского экипажа квартирмейстер Григорий Евставьев был командиром орудия на батарее № 7-й. Когда его орудие было подбито, он отошел к следующему и действовал в качестве прислуги, также с беззаветною отвагой» (Там же. С. 54).

И он же приводит еще один героический пример: квартирмейстер Александр Соленый находился командиром орудия на левом фланге батареи № 7-й. Когда неприятельский пароход подошел на пушечный выстрел, то Соленый первый открыл и своими меткими выстрелами заставил пароход отойти. Когда орудие, которым командовал Соленый, было подбито, то он отошел к другому орудию и во время жаркого боя служил при нем прислугой с полной неустранимостью и хладнокровием.

После 1854 г., когда 47-й флотский экипаж был переведен

в Николаевск, фамилии Евстафьевых (Евстафьевых) и Соленых на Камчатке уже не встречались.

Но существование камчатской фамилии служилых Евстафьевых подтверждается фактом существования такой фамилии среди камчадалов селений Голыгино и Явино, участвовавших в 1904–1905 гг. в отражении теперь уже японского военного десанта. Между этими двумя героическими событиями – обороной Петропавловского порта в 1854 г. и обороной Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. – огромная преемственная связь (о чем мы будем говорить) и общая юбилейная дата с разрывом ровно в 50 лет.

Фамилия военных Соленых встречается на Камчатке в составе Сомовского полка – в 1812 г. воспитанником отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона (как стал позже называться Сомовский полк) был Иван Кирикович Соленый.

Позже в последующих отчетах о героях Петропавловской обороны, представляемых к орденам и чинам, мы находим и другие камчатские фамилии: «27 августа вечером неприятельская эскадра, не предпринимая больше попыток к наступлению, ушла из Авачинской бухты. Потери союзников составили свыше 350 человек убитыми и около 80 ранеными. Интересный случай произошел на подступах к Авачинской бухте. 26 августа 1854 года бот №1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, “пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и увидевши в то же время сильную эскадру, стоящую на якоре во внутренности губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идет шхуна “Анадырь” также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа всю ночь крейсировал перед входом в губу и хотя не нашел того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее

важнейшую, встретив и уведолив о блокаде порта винтовую шхуну “Восток”, командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на борт бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный все еще продолжал крейсировать перед входом, надеясь дожидаться “Анадырь”; утром 27-го не видя его и заметив, что неприятель снимается с якоря, решился сам искать спасения в Вилючинской бухте, куда и укрылся» (ЦГА ДВ, ф. 1055, оп. 1, д. 97, лл. 70–71).

А в книге, известного популяризатора отечественной истории А. И. Алексева «Сыны отважные России» (Магадан. 1970. С. 253–254) мы находим и некоторые подробности о дальнейшей судьбе боцмана Харитона Ивановича Новограбленного: «...родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 году. В 1834 году он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 году стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 году – командир бота № 1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 года произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 года произведен в подпоручики и “находился при берегу в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства”. Последние сведения о нем относятся к 1865 году. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке – своей родине».

Насколько значителен был подвиг Новограбленного можно представить из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н. Н. Муравьева к В. С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь и шхуна «Восток» встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт «Байкал» под командой Никиты Ильича Шарыпова. «Байкал» также ушел в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем. Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал

сухопутным путем к Завойко известие о шхуне «Восток» и передал ему письма от Римского-Корсакова. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привел свой бот в Петропавловск...

В списках участников Петропавловской обороны был еще один представитель этой фамилии: «Матрос второй статьи Иннокентий Новограбленный, умер от ран, женат на Анне Осиповой. Имеет дочь Авдотью по второму году, которая состоит при 47-м экипаже на довольствии». В списке нижних чинов 47-го флотского экипажа, действовавшего против англо-французов участников обороны, А. А. Харитоновский (см. его очерк о Прокопии Трифоновиче Новограбленном) обнаруживает Ивана Новограбленного.

Многочисленных Новограбленных и Новограбленовых (это одна династия) мы обнаруживаем с «Исповедальной росписи» 1893 г. по Петропавловскому собору.

У Вячеслава Петровича Кускова, который один из первых на Камчатке стал собирать материалы об участниках Петропавловской обороны, приводятся данные из «Формулярного списка бывшего начальника камчатской казачьей команды сотника Давида Федоровича Савинского», датированного 13 мая 1892 г., из которого мы узнаем, что он также имеет на Георгиевской ленте бронзовую медаль за участие в войне 1853–1856 гг. (наличие Георгиевской ленты указывало на то, что человек, награжденный этой медалью, принимал непосредственное участие в боевых действиях). Неизвестно только, почему его фамилии нет в первом списке ветеранов за 1882 г. – он умер на Камчатке в 1893 г. и до этого проживал с семьей (имел четырех сыновей) в Петропавловске, его сын – Федор Давидович – в том же году стал исполнять обязанности начальника Камчатской казачьей команды, а затем был переведен частным командиром в Усть-Камчатск. Многочисленные представители этой камчатской казачьей династии приняли самое активное участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны. Усть-Камчатскую дружину возглавил Федор Давидович. У него в подчинении были казаки Николай и Иван, а также кантонист Алексей Викентьевич и Александр

Дмитриевич (?) Савинские. Ядром Петропавловской дружины были Андрей Давидович, Давид Давидович и Иван Давидович Савинские, сыновья ветерана Петропавловской обороны.

В списке ветеранов ни за 1882 г., ни за 1902 г. нет и Василия Яковлевича Толстихина (с 1832 г. в Гижигинской сотне, в 1852 г. переведен в Петропавловский порт), еще одного участника обороны нашего города. Урядник Петр Толстихин за участие в военных действиях на Камчатке в годы русско-японской войны удостоен Георгия 4-й степени. В составе Тигильской дружины в те же годы действовали его внуки Григорий, Афанасий и Василий Толстихины. В составе Облуковинской дружины – их родственник Василий Толстихин. В годы второй мировой войны на полях сражений погибли Андрей Александрович (под Ленинградом), Иван Васильевич (под Воронежем), Модест Васильевич (под Тверью), Михаил Васильевич (под Кенигсбергом). Погибли в те же годы Николай Петрович и Павел Петрович Толстихины. Светлая им всем память!

В числе участников обороны Петропавловского порта мы находим и имя казака из Охотской казачьей сотни Василия Кириковича Колмогорова (РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 2, д. 128), вероятный предок которого, казак Алексей Колмогоров, в свое время бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников знаменитого Харчинского бунта.

Но не только военные люди стали, по своему воинскому долгу, участниками тех героических событий. История помнит и чтит также и тех, кто поддерживал своим духовным примером ратный подвиг солдат и офицеров, оборонявших Петропавловский порт.

В период с 1855 по 1858 г. по ходатайству бывшего военного губернатора Завойко и «с высочайшего соизволения» были произведены награждения священников Петропавловского собора Георгия и Александра Логиновых, Михаила Коллегова, дьякона Феодосия Лаврова, дьячков Алексея Черных и Моисея Коллегова. За то, что Георгий Логинов во время бомбардировки города все дни проводил на батареях рядом с

командиром и, подвергая свою жизнь опасности, «был славным ему помощником в воодушевлении нижних чинов», он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Остальные священнослужители были награждены бронзовыми наперсными крестами, скуфьями. Также все получили медали на Георгиевской ленте в память Крымской войны (Горчаков А. А. Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.).

Три из перечисленных выше фамилии камчатских священно- и церковнослужителей – Логиновых (Лонгиновых-Петрологиновых), Коллеговых и Черных – вместе с фамилией камчатских священнослужителей Никифоровых, о которых мы говорили, вспоминая барабанщика 47-го Камчатского флотского экипажа Якова Федоровича, вошли в историю русского православия на огромной территории, включающей весь российский Дальний Восток, Якутию и Русскую Америку (нынешний штат Аляска, США), подчиняющейся в середине XIX века Камчатской епархии под управлением святителя Иннокентия, будущего митрополита всея Руси и святого апостола Сибири и Америки.

Но традиции не только духовного, но и венного служения Отечеству не померкли в этих семьях с годами. Участниками обороны Камчатки в 1904–1905 гг. были братья Петр и Павел Логиновы (Большерецкая дружина); Антон Никифоров (Паланская дружина); Иван, Алексей (Усть-Камчатская дружина) и Михаил (Большерецкая дружина) Коллеговы и крестник их семьи Иван Колегов, староста села Карага; Иван и Александр Черных (Петропавловская дружина), Петр и Николай (дружина Сероглазки). Еще один Черных – Алексей – прославился тем, что захватил в плен командира японского военного десанта Сечи Гундзи. Другой представитель этой фамилии – Павел Дмитриевич Черных – пал смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны.

К тридцатилетию августовских событий 1854 г. окружное начальство Камчатки попробовало разыскать среди камчатцев ветеранов обороны Петропавловского порта, помня о том, что многие уроженцы полуострова принимали участие в отра-

жении англо-французского десанта: и нижние чины 47-го Камчатского флотского экипажа, и казаки, и местные, в том числе и коренные, жители.

В этом «Списке отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 года при нападении англо-французской эскадры» 1882 г. было не так уж и много фамилий, но, тем не менее, их было достаточно, а главное – они позволяют нам сегодня проследить последующие линии преемственности поколений.

В числе ветеранов значится отставной казак из Сероглазки, бывший урядник Василий Иванович Крупенин (в 1893 г. ему исполнилось 73 года). В Центральном государственном архиве Дальнего Востока (ф. 1007, оп. 2, д. 128) мы нашли также сообщение еще об одном казаке из Сероглазки, также принявшем участие в обороне Петропавловского порта, Федоре Трофимовиче Крупенине, но никаких подробностей о его дальнейшей судьбе мы пока не нашли.

Но зато мы знаем, что многие казаки из рода Крупениных, дети и внуки отставного урядника Василия Ивановича Крупенина, приняли самое активное участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и во второй мировой войне. По нашим данным, защищали Камчатку от японцев Александр (Васильевич), Егор (Васильевич), И. В. (так в документе, на самом деле Иван Васильевич), Петр (Васильевич) Крупенины. Особо отличился казак Павел Васильевич Крупенин, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени.

В годы второй мировой войны погиб в 1943 г., освобождая Советскую Украину от немецко-фашистских оккупантов, Нарцисс Васильевич Крупенин (1924 г. р.).

Байков (по другим источникам Байкалов) Василий Иванович, отставной матрос, до 1892 г. проживавший в Петропавловске, а в 1893 г., в возрасте 76 лет, перебравшийся в с. Ключи и живший среди духовных сирот Ключевской церкви.

Баталер Николай Ипатьев, Андрей Кодошников, Ефим Ершов, о которых мы пока не обнаружили никаких дополнительных сведений, проливающих свет на их камчатскую судьбу.

Впрочем, есть рабочая гипотеза по поводу баталера Николая Ипатьева. В 1888 г. в Петропавловске умирает отставной баталер Николай Федорович Игнатъев (поэтому вполне вероятно, что в фамилии допущена ошибка, тем более что мы и сами столкнулись с подобным фактом: в нашей картотеке за 1812 г. в Нижнекамчатске указаны военнослужащие из Камчатского гарнизонного батальона Осип Иванович Игнатъев и Осип Иванович Ипатьев). Фамилия Игнатъевых на Камчатке сохранилась – это бывшие крестьяне, проживавшие в Большерецке и Явино. Явинский староста Дмитрий Дмитриевич Игнатъев был удостоен Георгиевского креста за участие в захвате командира японского десанта Сечу Гундзи в 1904 г. в период русско-японской войны. Вместе с ним принимал участие в обороне Камчатки его брат Сергей Дмитриевич.

Отставной казак Влас Иванович Ордин (ему в 1893 г. исполнилось 53 года, то есть в период боевых действий будущему ветерану было всего 14 лет), у него в Петропавловске жили дочери Ирина, Надежда, Евдокия, Екатерина, Татьяна и сын Даниил.

Иннокентий Дмитриевич Неворотов, отставной казак, жил в с. Сероглазка, родом, вероятно, из Нижнекамчатска, где в 1812 г. служил казак (возможно, его отец) Дмитрий Петрович Неворотов.

Михаил Леонтьевич Большаков – отставной казак, выходец из Гижигинской сотни (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128) и Дмитрий Степанович Тувалин – отставной казак, 1821 г. р., «участвовал в сражении, находился в составе патрулей, охраняющих мыс Сероглазку». Их фамилия, по-видимому, угасла на Камчатке.

В списке ветеранов однофамильцы (а скорее всего, родственники) матрос Игнатий Герасимович Краснояров (умер в 1885 г.) и отставной казак Константин Онуфриевич Краснояров (1820 г. р.). В 1893 г. Константин Онуфриевич с женой Ксенией Матвеевной проживали в селе Колпаково. А в Петропавловске в это же время жил сын Игнатия Герасимовича – мещанин Дмитрий Игнатъевич Краснояров.

Матвей Яковлевич Миниохин (Минюхин), отставной казак (65 лет в 1893 г.), жил в Халактырке. Эту же фамилию мы встречаем в 1847 г. в списке нижних чинов Камчатской экипажной роты – Минюхин, «из солдатских детей». Но Матвей Яковлевич, судя по документам, происходит из казачьего рода – в 1812 г. мы находим в составе Нижнекамчатской казачьей команды Якова Степановича Минюхина (27 лет). Но и противоречия тут нет – в тех же архивных материалах (РГИА, ф. 1009, оп. 2, д. 4) есть сведения и о Минюхиных-солдатах: Минюхин Степан Степанович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона (33 года). Судя по отчеству и возрасту это родные братья, которых развела служба, и следы младшего Степановича, участника обороны Петропавловского порта, затерялись где-то на Амуре или на берегах Восточного океана, где он имел право поселиться после выхода в бессрочный отпуск по выслуге лет. На Камчатке жили и другие братья Матвея Яковлевича – Фирс Яковлевич (жил тоже в Халактырке) и Александр Яковлевич Минюхин, который в 1852 г. был казачьим урядником в селе Усть-Приморском (в Усть-Камчатске). В 1893 г. на этом посту в Усть-Камчатске был уже его сын Александр Александрович Минюхин.

Полиевкт Ильич Манаков, отставной казак (57 лет в 1893 г.), его сын Николай принимал участие в обороне Камчатки в 1904–1905 гг. в составе дружины села Сероглазка.

Пятидесятник Александр Никифорович Томский, удостоенный Георгиевского креста из рук губернатора В. С. Завойко. В составе Гижигинской сотни он был переселен в 1852 г. на Камчатку, в Сероглазку. Эта фамилия вновь была представлена на арене боевых действий в период русско-японской войны казаками Иваном (из Сероглазки) и Николаем (из Усть-Камчатска) Томскими.

Федор Иванович Колинда (Калинда), «морского ведомства», в 1893 г. 64 года. Его дети – Алексей и Федор, в списках упомянутые как Кашинда и Кишинда, жители Петропавловска, участвовали в обороне Камчатки в период русско-японской войны.

Иван Григорьевич Пшенников (отставной казак казачьего

ведомства, в 1893 г. 58 лет). Его сын Николай Иванович, льготный казак, в составе Петропавловской дружины был участником обороны Камчатки 1904–1905 гг., а внук – Иосиф Григорьевич Пшенников – был урядником (начальником) Камчатской казачьей команды.

В списке значится Петр Корюкин, вероятно, Петр Корякин (Карякин), возможно, брат Алексея Петровича Корякина («из солдатских детей»), который служил в Камчатской экипажной роте в 1847 г. и тоже был вероятным участником обороны Петропавловского порта. Мы знаем, что после своей отставки Алексей Петрович жил в селе Голыгино на западном побережье полуострова (в 1893 г. ему было 74 года), вместе с ним жил матросский сын Степан Конев, вероятно, внук. Свое происхождение «солдатские дети» Корякины ведут, вероятно, от Петра Ивановича Корякина, рядового Камчатского гарнизонного батальона (по данным 1812 г.), у которого тогда был сын Федор Петрович (8 лет) – воспитанник военно-сиротского дома. Возможно, Петр и Алексей Петрович тоже его дети.

Степан Степанович Конев, внук, с которым доживал свой век Алексей Петрович Корякин, в составе Большерецкой дружины отражал в 1904 г. японский военный десант, высадившийся в устье реки Озерной

В этом списке значится также отставной казачий пятидесятник Алексей Степанович Карандашев (удостоенный лично В. С. Завойко знака отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени, умерший 17 декабря 1885 г. в возрасте 77 лет). С именем последнего связана еще одна история Петропавловской обороны, о которой краеведы говорят и спорят до сих пор. Читаем у В. П. Кускова: «В воскресенье, 13 марта 1855 г., контр-адмирал В. С. Завойко, камчатский военный губернатор, лично возлагал кресты знака отличия военного ордена св. Георгия на нижних чинов, отличившихся в боях за Петропавловский порт в августе 1854 г. Получил крест и пятидесятник Камчатской казачьей команды Алексей Степанович Карандашев. К награде его представил сам Завойко, который в своем приказе № 97 от 5 марта 1855 г. писал: “Пятидесят-

ник Карандашев. Будучи ранен тяжело, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погребца, и затем не оставил пушки пока я не приказал ему отправляться в госпиталь”. Карандашев родился в 1810 г. Отец его был казаком Якутского городского полка. По законам того времени якутским казачьим детям полагалось по достижении совершеннолетия поступать на службу в какую-либо из команд полка. Правда, на Камчатке закон не всегда соблюдался в точности; иногда казачьих детей определяли не в казаки, а в матросы, иногда зачисляли на службу задолго до совершеннолетия. Все же попасть в матросы было выгоднее: после двадцатилетней службы матросов увольняли в отставку, а казаки служили “до полной неспособности”. В отношении Алешки Карандашева отклонений не допущено – его заверстали в казаки, и с 25 апреля 1828 г. он значится в списках Камчатской казачьей команды (ЦГВИА, ф. 330, оп. 22, д. 105, к. 706, лл. 3–4 – формулярный список Карандашева). ...Однако служебную карьеру Карандашева не назовешь блестящей. Лишь через тринадцать лет, в 1841 г., он произведен в урядники. Впрочем, многие оставались рядовыми, прослужив двадцать, а то и все сорок лет. [31 декабря 1853 г. его произвели в пятидесятники] ...Карандашев в свое время женился и овдовел. К 1854 г. он женился вторично. По данным на начало 1855 г., детей у него и его жены Агафьи Ивановны не было. Жили они в Аваче».

Далее в своем очерке Вячеслав Кусков пишет о том, о чем сегодня спорят камчатские краеведы: об участии Агафьи Ивановны в боевых действиях: ...«воспоминания» Агафьи ничем не подтверждаются. Во время боев в городе не было ни детей, ни женщин, ни вообще гражданских лиц, исключая тех мужчин, которые изъявили желание участвовать в защите порта как волонтеры. Всех жителей вывезли в близлежащие селения. А Агафью Ивановну и вывозить не требовалось – она жила в Аваче. В боях погибли два казака, их фамилии – Селиванов и Котельников. В боях участвовали два Карандашевых – Алексей, ее муж... и Антон, оба ранены, но остались в живых (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 128, л. 1–2). ...Во

время подготовки порта к обороне Алексея Карандашева назначили в расчет 3-х фунтовой полевой пушки, являвшейся единственным подвижным огневым средством. Предполагалось, что пушка будет прибывать к местам высадки десанта и обстреливать его картечью. Так оно и случилось впоследствии. Командование пушкой было поручено чиновнику П. И. Юдицкому, расчет ее состоял из девятнадцати казаков и писарей. ...Что делал Карандашев 20 августа, неизвестно. 24 августа расчет их уменьшился на полдюжины человек, получивших другие назначения, ушел на другой пост и Юдицкий. Карандашев оставался при пушке и вступил в командование ею. К полудню на северном фланге обороны сложилось критическое положение. Неприятельские фрегаты разбили батареи номер 3 и 7, после чего у северного подножия Никольской сопки был высажен десант. Часть его пошла к перешейку, чтобы оттуда подняться на вершину сопки, остальные намеревались атаковать батарею номер 6 и пороховой погреб. Когда заморенные лошаденки притащили полевую пушку к озеру и расчет развернул ее неподалеку от батареи номер 6, глазам Карандашева представилась картина, наводящая на мрачные мысли: десантники строились в колонну для атаки батареи номер 6 и порохового погреба. (Было сделано 3 картечных выстрела, зарядили в четвертый – их обстреляли, расчет погиб, одну лошадь убили, вторая была ранена в глаз, она порвала упряжь и убежала. Заряженная пушка была опрокинута в ров у батареи. Он сам вытащил медную старую пушку весом до 15 пудов. Когда заряжал пушку, был ранен в руку. Выстрелил – заряд попал в самый центр колонны и ряды десанта разметало, а тут ударил по неприятелю боцман Спылихин.) В первом донесении Завойко ходатайствовал о производстве в офицерские чины корпуса кондукторов морской артиллерии Белокопытова и Дементьева и боцманов Новограбленного и Суровцова, ходатайствовал он позже об этом и по поводу Карандашева, но тот уже был награжден орденом. 29 сентября 1855 г. Карандашев уволен в отставку (Кусков В. П. Пятидесятник Алексей Карандашев).

А вот и новый поворот этой истории в изложении уже

А. П. Сильницкого (Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива. Вопросы истории Камчатки. Вып. 4. Петропавловск-Камчатский. 2009): «Из числа героев можно выделить пятидесятника Камчатской казачьей команды Алексея Степановича Карандашева. В фондах архива отложилось его прошение, поданное в том же году (1882. – С. В.) военному губернатору Приморской области с ходатайством о пенсии. Алексей Карандашев, находясь в рядах защитников Петропавловска при полевом орудии, был тяжело ранен в руку. Его жена Агафья Ивановна Карандашева во время боев находилась рядом с мужем. После боев Карандашев был уволен в отставку и удостоен знака отличия военного ордена 4-й степени».

Позже А. П. Сильницкий, став Петропавловским уездным начальником, еще не раз возвращается к образу этой народ-

У полевой пушки

ной героини (см., например: Четырнадцать месяцев службы на Камчатке. Вопросы истории Камчатки. Вып. 5. Петропавловск-Камчатский. 2011. С.138–140).

В период подготовки к празднованию очередного юбилея обороны Петропавловского порта, благодаря ходатайствам и рапортам чиновника особых поручений Клименова, петропавловского уездного начальника Сильницкого, вновь обратили внимание на бедственное положение оставшихся в живых героев обороны Петропавловска. Сохранилась такая вот архивная запись: «...Отставной пятидесятник Карандашев, например, семидесяти двух лет от роду, почти не владея левой рукой, ездит на шлюпке за пятнадцать вёрст из селения Авачинского в Петропавловск вдвоём с женой, чтобы продать ведро ягод за один рубль...»

Сохранились и воспоминания об этом человеке. В частности, о нем писала жена руководителя обороны Петропавловского порта Юлия Завойко: «Он, бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвозди в дерево и тому подобные штуки». Она же писала епископу Камчатскому Иннокентию, вспоминая события 1854 г.: «После трёх удачных выстрелов пушка свалилась в ров, и вся прислуга возле неё, казаки и писари, были перебиты неприятельскими пулями. “Мы стояли, – говорит господин губернатор, – в крови, с ружьями в руках, дорого продавали нашу жизнь”».

Вот еще одна цитата (к сожалению, без ссылки на автора): «Это был опытный тренированный воин, поэтому руководитель обороны Петропавловска В. С. Завойко доверил ему полевую (по другим источникам горную) пушку и поставил её на Озерновской кошке вместе с батареей № 7. Именно эта батарея, как бельмо на глазу, мешала противнику высадиться в обход битве и попытаться занять город со стороны Култучного озера. 24 августа суда неприятеля сосредоточили огонь своей артиллерии против этой батареи. А затем, подбив почти все стационарные орудия русских, высадили на кошку десант. Казаки при единственной полевой пушке ловко успевали перевозить её с места на место, стреляя по неприятелю, пока обе лошади, запряжённые в пушку, не были убиты. Взры-

вы были всё ближе и ближе, и, чтобы сохранить оружие, Карандашов, напрягшись, свалил его в ров, там поставил на колеса, выровнял и, прицелившись, сумел ещё раз выстрелить по десанту, нанеся ему существенные потери. Но он тут же был ранен, а его казаки убиты. Только личный приказ губернатора Завойко заставил Карандашова отправиться в госпиталь».

«Казачьей сотни пятидесятник Карандашев, будучи командиром единственного в Петропавловске полевого орудия во время сражения 24 августа, когда находившаяся при его орудии лошадь, получив пулю рану в левый глаз, утащила орудие в ров, находившийся у батареи № 7-й, то Карандашев, несмотря на град пуль, осыпавших ту местность, где находилось орудие, где уже было убито и ранено тринадцать человек, не теряя присутствия духа, удержал лошадь и орудие, навёл его на приятеля и только что хотел приложить фитиль, как был ранен в руку, но, несмотря на это, он сделал выстрел, и так удачно, что неприятель после выстрела немедленно ретировался» (Сильницкий А. П. Архивные материалы... С. 52).

После А. П. Сильницкого история с Агафьей Ивановной имела продолжение, точнее, это продолжение и было связано с очерком А. П. Сильницкого, который почему-то назвал Агафью Ивановну Карандашихой, а ее мужа – Карандашем. В газете «Камчатская правда» был опубликован 28 марта 1997 г. очерк Д. Дьяченко, в котором он писал: «На самой опасной батарее среди солдат и матросов была замечена женщина. Это – Агафья Ивановна Карандаш. В дни осады Петропавловска она прославилась своим усердием в заботе о раненых. Воины называли её “камчатской сестрой милосердия”».

И далее, на основе очерка А. П. Сильницкого «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке» (с. 138–140), он пишет: «Неграмотная казачка до начала военных действий выполняла подённую работу в семье губернатора Камчатки генерал-майора В. Завойко. С началом боевых действий в Петропавловске муж Агафьи – урядник Василий Карандаш – в составе Петропавловского гарнизона был назначен на самую опасную

батарею. Агафья не пожелала вместе с другими женщинами спастись в горах, а пришла на батарею вместе с мужем. Все дни военных действий – 17, 20 и 24 августа 1854 г. – она оставалась вместе с солдатами на батарее. Поначалу она подавала снаряды, поправляла лопатой разрушенные земляные закрытия батареи. Когда появились раненые, в их числе так же был и муж Агафьи, она занялась промыванием и перевязкой ран. Тут же на батарее, за земляным закрытием, лежал её грудной младенец Иван, который был контужен».

«Окончательное действие сражения по всему протяжению горы было дело на штыках... Всякому военному покажется невероятным, что маленькие отряды Петропавловского гарнизона в тридцать и сорок человек, поднимаясь на высоты под самым жестоким ружейным огнем, осыпаемые ручными гранатами, успели сбить, сбросить и окончательно поразить тех англичан и французов, которые славились своим умением делать высадки». «Бегство врагов – самое беспорядочное, и гонимые каким-то особенным паническим страхом, везде преследуемые штыками наших лихих матросов, они бросались с обрывов сажень шестьдесят или семьдесят, бросались целыми толпами, так что изуродованные трупы их едва успевали уносить в шлюпки».

Вечером 27 августа сводная эскадра англо-французского флота покинула камчатские воды. «Страшное зрелище было перед глазами: по грудь, по подбородок в воде французы и англичане спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах раненых и убитых; пули свистали градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы видели английский баркас сначала битком набитый народом, а отваливший с восемью гребцами; всё остальное переранено, перебито и лежало грудками, издавая страшные, раздирающие душу стоны. Французский четырнадцативёсельный катер был ещё несчастнее и погрёб назад всего при пяти гребцах...»

Надо заметить, что в английской, германской и французской исторической литературе никогда не было разногласий по вопросу о нападении союзников на Петропавловск, и считается признанным факт, что все шансы на победу были на

стороне союзников. Но победу одержали русские. Русский гарнизон потерял в той осаде убитыми и ранеными сто пятнадцать человек. Союзная армия потеряла восемьсот тридцать. Оставшиеся в живых российские воины получили благодарности от губернатора города, а самые храбрые были награждены медалями. Агафья Карандаш тоже была награждена медалью «За усердие» на аннинской ленте. В её наградных документах указывалось, что «вдова урядника Камчатской команды Агафья Карандаш принимала непосредственное участие в обороне Петропавловска... Её муж, раненный осколком снаряда, за неимением перевязочного пункта лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна исполняла роль сестры милосердия, спасая жизнь своего мужа и других воинов».

В 1902 г. исследователь Камчатки А. П. Сильницкий побывал в доме Агафьи в поселке Авача. Он отмечал, что после смерти мужа Агафья жила в крайней бедности.

Хорошо исследовал (уже в наше время) медицинскую обстановку во время Петропавловской обороны винницкий врач Б. Н. Щупак. Ему удалось отыскать наградной лист А. И. Карандаш, который свидетельствует о том, что она была награждена медалью «За усердие». В 1902 г. вдова казачьего пятидесятника Алексея Степановича Карандашева, восьмидесяти лет, «участвовала в исправлении земляных закрытий батареи, на которой сражался её муж». Правда, по исповедальной росписи Петропавловского собора вдове казачьего пятидесятника Агафье Ивановне Карандашевой (а не Карандаш) в 1893 г. было только шестьдесят три года, то есть в 1854 г. – всего четырнадцать лет. Наградные документы, как выясняется, были оформлены после смерти мужа, то есть после 1885 г., после торжеств по случаю тридцатилетия победы, а точнее, на мой взгляд, эта медаль была вручена по другому поводу – в честь двухсотлетия присоединения Камчатки к России в 1897 г., когда такую же медаль получили и многие известные на Камчатке люди, не имевшие к обороне Петропавловского порта никакого отношения.

Но, тем не менее, Агафья Ивановна была внесена в 1902 г.,

Забота женщин на Кошечной батарее. Худ. В. И. Шилев

накануне пятидесятилетия Петропавловской обороны, в список ветеранов, которым была установлена пожизненная пенсия, и вошла в легенду об обороне Петропавловска.

В списке ветеранов обороны Петропавловского порта была еще одна женщина – Тюменцева Аграфена Никитовна, вдова крестьянина, 68 лет, которая «в дни боев мыла раненым белье в помещении, обстреливаемом неприятельскими снарядами». Это известная и сегодня на полуострове фамилия. Трое из Тюменцевых (ключевой ветви этой фамилии) приняли участие в обороне Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Усть-Камчатской дружины: Василий, Степан и Матвей.

В этом же списке – отставной пятидесятник Сысоев Николай Петрович, 69 лет, и отставной пятидесятник Михаил Иванович Юшин, 70 лет, которые находились «при уборке Петропавловского порта в зиму 1854 и 1855 гг.», Бушуев Полуэкт Иванович – мещанин г. Петропавловска, 68 лет, он «под огнем неприятеля снабжал батареи провизией и разными то-

варами», Петропавловский купец 2-й гильдии Петр Николаев Косыгин, 67 лет, который «охранял собор и церковное имущество, под огнем неприятеля снабжал сражающихся разными припасами».

Фамилия Кобелевых была некогда известной на Камчатке и принадлежала одному из приказчиков – Тимофею Кобелеву, о котором писал С. П. Крашенинников, но к нашему времени она угасла, сохранившись еще, может быть, в Гижиге.

Казачий род Сысовых происходил из Нижнекамчатска – здесь в начале века служил, вероятно, отец Николая Петровича Сысова – Петр Павлович (в 1812 г. ему было 25 лет). Но жили они не только в Петропавловске, но и в Тигиле – в 1893 г. здесь проживал Анафим Петрович Сысов (49) лет.

Семья казаков Сысовых была достаточно представительной, что мы видим в 1904–1905 гг. по спискам дружинников: Сысов Григорий Михайлович (Тигильская дружина, кантонист), Сысов Федор (Усть-Камчатская дружина), Леонтий Сысов (Тигильская дружина).

Родословная камчатских казаков Юшиных прослеживается нами примерно с 1842 г.: Юшин Хрисанф, казак (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255). Затем мы находим сведения о его сыне: Юшин Иван Хрисанфович (1837 г. р.), отставной казак. Параллельно шла еще одна линия Юшиных, связанная с участником обороны Петропавловского порта Михаилом Ивановичем, который родился в 1832 г.

Представители всех династий Юшиных отличились в период русско-японской войны. Георгиевского креста были удостоены Павел Иосифович Юшин, помощник командира Тигильской дружины и казак из Петропавловска Моисей Юшин, который под выстрелами японских крейсеров вынес из-под обстрела казну уездного управления (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

В составе Тигильской дружины действовали также казаки Дмитрий и Ксенофонт, кантонисты Ивли и Николай Юшины.

Бушуевы появляются на Камчатке в середине XIX века, есть сведения, что купец Алексей Федорович Бушуев (из «купеческих детей») торговал в Охотске. На Камчатке кроме

Полуекта Ивановича Бушуева жил и петропавловский купец 3-й гильдии Алексей Иванович Бушуев. Из их же рода и Бушуевы, проживавшие в селе Толбачик.

Фамилия Косыгиных – одна из самых распространенных на полуострове. До революции это были известные местные торговцы (казаки Косыгины были известны гораздо меньше). После революции – это многочисленная камчатская элита, которая смогла раскрыть свои природные дарования в самых разных направлениях политической, общественной, культурной, экономических жизни Камчатки. Но так как мы сегодня говорим только о защитниках Отечества, то нам более известны представители казачьего рода Косыгиных из Тигиля, участвовавшие в обороне Камчатки в 1904–1905 гг. – это были ополченцы Александр (Феодосьевич), Емельян и Михаил (Кириллович) Косыгины. В составе Петропавловской дружины состоял и участвовал в боевых действиях на реке Жупановой Иван (Николаевич, сын Николая Николаевича, брата ветерана?) Косыгин (вероятно, из петропавловских мещан).

В годы второй мировой войны сложили головы на фронтах сражений уроженцы Камчатки Иван Константинович, Николай Иванович, Иван Харлампьевич, Петр Николаевич Косыгины.

Из непосредственных участников обороны Петропавловского порта оставались к началу XX века в живых только три камчатских ветерана:

Отставной казак Константин Онуфриевич Краснояров, 73 года, участвовал в сражении, находился при полевой пушке, стоявшей на Кошке.

Отставной казак Дмитрий Степанович Тувалин, 72 года, участвовал в сражении, находился в составе патрулей, охранявших мыс Сероглазку.

Отставной казак Иннокентий Дмитриевич Неворотов, 70 лет, участвовал в сражении, был командирован губернатором Завойко в селение Начики для вызова волонтеров (Горчаков А. А. Там же).

Мы просмотрели Исповедальные росписи 1893 г. ближайших к Петропавловскому порту населенных пунктов того вре-

мени, которые или находятся вблизи Начик или встречаются по пути к этому селу. Их два – Коряки (и тогда «Старик Дурындин» (Дурынин), действительно мог быть из села Коряки) и Малка.

В Малках по возрасту – ему было 59 лет – мы нашли только одного возможного кандидата в волонтеры – Аббакумова Петра Ивановича.

В Начиках проживали в то время Новожилов (имя-отчество неразборчиво, 55 лет) и Александр Иванович Бурнашев (66 лет). Якутская семья Бурнашевых поселилась на Камчатке в 1847 г., так что Александр Иванович реально мог быть участником обороны Петропавловского порта по призыву казака И. Д. Неворотова.

В Коряках проживали в тот год Павел Филиппович Осминин (56 лет) и Гавриил Варфоломеевич Елагин (59 лет). Петру Константиновичу Дурынину было только 51 год, поэтому за него воевал либо отец, либо старший брат.

Поиски имен камчатцев – участников обороны Петропавловского порта – продолжаются и по сей день. Совсем недавно, благодаря помощи сотрудников Российского государственного архива Военно-Морского флота Татьяны Сергеевны Федоровой и Ирины Вячеславовны Осадчей, было найдено еще несколько дорогих для истории нашего полуострова имен земляков:

Мастеровой рядовой 1-го класса Яков Иванович Третьяков («из казачьих детей». – С. В.), уволенный в бессрочный отпуск за выслугу 15 лет «с правом поселиться на берегах Восточной Сибири». «В 1854 г. был в действительном сражении противу Англо-Французской Эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 Августа». Он поступил в Камчатскую казачью команду в 1839 г. Переименован (переведен. – С. В.) в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1842 г., затем, в 1852 г. в мастеровые. В 1856 г. на транспорте «Иртыш» доставлен в Николаевский пост на Амуре. 3 мая 1857 г. отправлен в бессрочный отпуск по выслуге лет (с учетом участия в военных действиях).

В Сероглазке в 1893 г. проживала казачья семья Третьяковых, главой которой был шестидесятитрехлетний отставной казак Федор Иванович Третьяков. Состоявший в Петропавловской дружине в период русско-японской войны 1904–1905 гг. казак Илья Третьяков был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за боевые действия против японцев на реке Жупановой. Судя по всему, это был сын Федора Ивановича Третьякова, который, в свою очередь, вероятно, был родным братом Якова Ивановича. Уроженец Камчатки, возможно, потомок казаков Третьяковых – Александр Яковлевич Третьяков – погиб на фронте во время Великой Отечественной войны, защищая родину.

Мастеровой рядовой 3-го класса Василий Самойлов сын Синопальников («из казачьих детей»). В 1842 г. поступил на службу в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи. В 1854 г. также был «в действительном сражении» и затем продолжил службу в Николаевске-на-Амуре, позже по выслуге лет уволен в бессрочный отпуск с выбором места жительства «на берегах Восточного океана».

В 1904–1905 гг. тигильский дружинник кантонист Прокопий Санапальников отражал японский десант. Мы выяснили, что, скорее всего, это сын отставного казака из Тигиля (они же служили и в Петропавловском порту) Прокопия Самойловича Сенопальникова, которому в 1893 г. было 53 года и он имел двух сыновей – Василия, тоже кантониста, 29 лет, и Прокопия, тогда еще шестилетнего мальчишку. Судя по отчеству и возрасту, Василий Самойлович Синопальников и Прокопий Самойлович Сенопальников – родные братья.

Квартирмейстер Николай Иванович Шемаев («из солдатских детей»). Имеет бронзовую медаль на Георгиевской ленте в память войны 1853–1856 гг. В 1841 г. матрос 2-й статьи Камчатской экипажной роты. В бессрочном отпуске из Амурского флотского экипажа с 1860 г. Его камчатских родственников мы находим в Тигиле – казаки Шемаевы и в Петропавловске – Шамаевы.

Малой родиной их предков, вероятно, был Нижнекамчатск – в 1812 г. здесь служил казак Иван Амосович Шамаев (31

год), женатый на Татьяне Григорьевне (29 лет). Николай Иванович, если он пошел на службу в 18 лет, должен был родиться в 1823 г. и нижекамчатские Шамаевыми могли бы быть его родителями.

Квартирмейстер Егор Афанасьевич Чарков («из солдатских детей»). Матрос 2-й статьи Камчатской экипажной роты с 1845 г. Действительный участник сражения в Петропавловском порту. Впоследствии служил в 27-м флотском экипаже. Отправлен в бессрочный отпуск 9 октября 1859 г. Фамилия на Камчатке не сохранилась.

Боцманмат Иван Максимович Бачинин («из солдатских детей»). С 1839 г. служит в Камчатской экипажной роте, затем в Амурском флотском экипаже. Также имеет бронзовую медаль в память о событиях 1853–1856 гг. Фамилия на Камчатке также не сохранилась.

Нами были получены также новые данные из РГА ВМФ РФ – выписки из формулярных списков нижних чинов 46-го, еще предвоенного, Камчатского флотского экипажа, представленных к награждению орденом св. Анны за выслугу лет, кто также мог и должен был принимать участие в военных действиях августа 1854 г:

Матрос 1-й статьи Григорий Иванович Винокуров («из солдатских детей»), поступил на службу в Камчатскую экипажную роту канониром 2-й статьи, «18 лет от роду» в 1829 г.

Позже, уже в 1893 г., мы прослеживаем на Камчатке линию потомков Григория Ивановича Винокурова – мещанин Николай Григорьевич Винокуров (45 лет) проживал в 1893 г. в Сероглазке, а его младший брат Михаил Григорьевич (42 года) жил в Старом Остроге (современный город Елизово).

18 августа 1945 г. при высадке десанта на остров Шумшу погибли, освобождая от японцев открытые камчатскими казаками Курильские острова, и были похоронены на этом острове в братской могиле Леонид Иванович (1923 г. р.) и Проконий Федорович (1912 г. р.) Винокуровы.

Матрос 1-й статьи Яков Иванович Винокуров («из солдатских детей»). На службу поступил казаком в Камчатскую команду, 17 лет от роду в 1825 г.

Григорий Иванович и Яков Иванович Винокуровы тоже, судя по всему, были родными братьями.

Матрос 1-й статьи Иван Алексеевич Чарков («из солдатских детей»), поступил в Камчатскую казачью команду в 1829 г., переведен канониром в Камчатскую экипажную роту в 1832 г. Фамилия на Камчатке не сохранилась.

Матрос 1-й статьи Семен Александрович Дмитриев («из солдатских детей») с 1831 г. служит в Камчатской экипажной роте канониром. Фамилия на Камчатке также не сохранилась.

А сейчас мы вернемся к тому архивному документу, в котором были обнаружены списки фамилий нижних чинов предвоенного 47-го Камчатского флотского экипажа, чтобы и на их примере увидеть ту преемственность поколений по защите Отечества, которую мы обнаружили выше:

Барабанщик **Яков Федорович Никифоров**, уроженец Камчатской области. Из знаменитого рода камчатских священнослужителей Никифоровых, вероятно, оставшегося за церковным «штатом» и избравшего себе новую судьбу в военном служении Вере, Царю и Отечеству.

Матрос-рулевой **Роман Лукич Слободчиков**, из камчатских казаков. В 1836 г. служил на военном боте «Алеут», ходил на нем в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. – на боте «Камчадал». В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота «Алеут» прапорщику Секерину, разжалован из квартирмейстеров в матросы. Обе эти фамилии – камчадалов «русской крови» – остались где-то на других берегах Восточного океана. Слободчиков, точнее, их предок – церковный староста Большерецкого острога, отставной казак Федор Слободчиков, оставил после себя на Камчатке целую плеяду духовных наследников – камчадалов Слободчиковых, для которых он стал восприемником из купели (крестным отцом) при крещении. Секерины происходили из ссыльных, оставшихся на Камчатке сначала на казачьей, а потом на военной службе.

Минюхин. Следы этого «солдатского сына», как мы говорили выше, затерялись. Но на Камчатке остались его род-

ственники – казаки Минюхины, также участвовавшие в обороне Петропавловского порта, о чем мы писали выше.

Помаскин – из камчатских солдатских детей. Возможно, это сын или брат матроса Семена Помаскина, умершего в Усть-Приморском (Усть-Камчатке) в самом начале 1850-х гг. Или сын отставного унтер-офицера Петра Осиповича Помаскина, которому в 1852 г. было 78 лет и жил он в том же казачьем селении Усть-Приморском. Хотя он мог быть ему и братом, так как тут же в документах за 1852 г. мы находим сведения о тридцатипятилетнем Киприяне Осиповиче Помаскине и тридцатидвухлетнем Иване Осиповиче Помаскиных – рядовых Камчатского гарнизонного батальона. Есть варианты, что интересующий нас Помаскин – один из братьев, воспитанников военно-сиротского дома – Михаил или Григорий Петровичи Помаскины, которые происходили из «солдатских детей». Помаскины были и казаками, например, Евдоким Семенович, который, возможно, и был сыном умершего матроса, – в те годы казаки становились солдатами или матросами и наоборот в соответствии с задачами обороны Камчатки, которые ставило перед высоким местным начальством Российская империя.

Так было и с Помаскиными (Помазкиными). В русско-японскую войну казак Николай Помазкин был награжден высшим солдатским орденом – Георгиевским крестом. В обороне Камчатки также принимали участие и его многочисленные родственники – уроженец Нижнекамчатска Андриан Помаскин и потомки устькамчатских казаков – Константин и Егор Помаскины.

Марсовый **Михаил Васильевич Расторгуев** (из казачьих детей). В 1834 г. на бриге «Камчатка» ходил на остров Гуагом. По имеющимся в нашем распоряжении документам в 1852 г. в Усть-Приморском, куда была переведена Нижнекамчатская казачья команда, служили Василий Васильевич (23 года) и Януарий Васильевич (37 лет) Расторгуевы. Думаю, не ошибусь, если посчитаю всех троих родными братьями.

В 1893 г. мы обнаруживаем в Петропавловске двух Расторгуевых, объединенных тем, что все они Михайловичи: Апо-

лос Михайлович, кантонист морского ведомства, 20 лет, и Алексей Михайлович, мещанин, 29 лет. Учитывая тот факт, что всем участникам обороны Петропавловского порта были засчитаны в выслугу лет из двойного расчета годы пребывания на войне 1853–1856 гг., то многие ветераны уже в начале 1860-х гг. ушли в бессрочный отпуск с правом поселения в любом избранном ими месте на берегу Восточного океана. Вероятно, Михаил Васильевич вернулся к своей родине на Камчатку. Мы не имеем сведения об участии камчадалов Расторгуевых «русской крови» в обороне Камчатки в 1904–1905 гг., но вот их крестник из аборигенов – камчадал из селения Камаки (бассейн реки Камчатка) заслужил за схватку с японцами на реке Русаковой в 1905 г. Георгиевский крест. И еще о двух Расторгуевых содержится информация в Книге памяти камчатцев, погибших в годы второй мировой войны – на фронтах Великой Отечественной войны сложили головы призванные Усть-Камчатским и Петропавловским военкоматами Александр Яковлевич и Николай Александрович Расторгуевы.

Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин, из казачьих детей. Сегодня эту старинную камчатскую фамилию представляет Герой России, летчик-испытатель Олег Евгеньевич Мутовин (мать которого – Нелли Георгиевна – происходит из рода еще одних участников обороны Петропавловского порта – камчатских священников Логиновых-Лонгиновых).

О Василии Гавриловиче Мутовине мы нашли интересную информацию: в 1812 г. в возрасте девяти лет он был воспитанником военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона. Но не староват ли он был для службы в 1854 г.? Впрочем, о боцмане Василии Усове Юлия Завойко тоже сообщала, что он уже старик, хотя и имел малолетних детей.

На Камчатке у Мутовиных была (и остается) многочисленная родня. Двое из Мутовиных – Иван и Николай – были ополченцами в годы новой, уже русско-японской, войны.

Григорий Иванович Винокуров, из солдатских детей, уроженец Камчатской области. О нем мы уже рассказывали.

Варфоломей Осипович Копылов, из солдатских детей,

уроженец Камчатки. В начале 1800-х гг. казачий род Копыловых был разделен – часть из них перешла на службу в Камчатский гарнизонный батальон, среди них был не только Осип Копылов, но и Алексей Иванович, братья Семен и Роман Гавриловичи, а также Иван Дмитриевич Копыловы. Параллельно военным Копыловым в Тигиле (а потом и в Петропавловске) служили казаки Копыловы. Они, по всей видимости, не принимали участие в Петропавловской обороне, но прославились в обороне Камчатки в 1904–1905 гг., особенно дети отставного казака Стахия (Стахея) Ивановича Копылова: Вениамин Стахеевич (Петропавловская дружина), Евстафий Стахеевич и Михаил Стахеевич (Тигильская дружина). Не посрамили свою фамилию и представители другого казачьего гнезда Копыловых – дети вдовы казака Марии Николаевны Николай, Савва и Иннокентий (Петропавловская дружина).

Но особенно отличился Прохор Копылов, который участвовал в бою с японцами на реке Жупановой в 1905 г. и стал кавалером ордена святого Георгия.

Алексей Петрович Корякин, из солдатских детей, уроженец Камчатки. О нем мы тоже уже рассказывали.

И остается в этом списке только **Павел Васильевич Усов**. «Из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте “Алеут”» (ф. 1007, оп. 1, д. 299), о котором мы мало что знаем, а точнее, не знаем ничего больше того, что здесь написано.

В какой-то степени свет проливает последний документ, поступивший к нам из РГА ВМФ РФ – «Формулярный список службы и достоинств Управления Капитана над Портами Восточного океана Писаря 2-го класса Федора Усова (ныне матроса 2-й статьи) за 1862 год».

Федор Васильевич («из солдатских детей» и, вероятно, родной брат Павла Васильевича) имел бронзовую медаль на Георгиевской ленте в память за участие в войне с англо-французами 1853, 1854, 1855, 1856 гг. Поступил на службу из Камчатского училища в канониры 2-й статьи в 1845 г. В 1851 г. переведен в унтер-баталеры, затем в писари в управление над

портами Восточного океана, в 1862 г. «за дурное поведение» понижен до матроса. «В 1854 г. во время блокады Петропавловского Порта Англо-Французской эскадрой находился в действительном сражении против неприятеля».

Этот документ связывает нас, возможно, даже напрямую и с сыном баталера 27-го флотского экипажа Василием Васильевичем Усовым – дедушкой Любви Степановны Копьевой (который в 1891 г. сочетался законным браком с дочерью умершего камчадала села Воровское Иоанна Александрова Спешнева Агриппиной). У супругов Усовых была единственная дочь – Анна Васильевна Усова, на которой прерывается эта камчатская фамилия (в замужестве Анна Васильевна становится Копьевой, выйдя замуж за Степана Матвеевича Копьева, отца Любви Степановны, ее братьев и сестер Копьевых, которые рассеялись сегодня по всей России).

Некогда многочисленная, судя по собранным нами материалам, фамилия первых жителей Петропавловска Усовых (казаков Усовых перевели в 1741 г. из Большерецкого острога в Гавань для охраны «казенных экспедиционных» грузов и зданий, оставшихся здесь от Второй Камчатской экспедиции) уходит с Камчатки, сначала в 1855 г., переселяясь вместе с другими сослуживцами и земляками, в Николаевский пост на Амуре, – в тот год убывают писарь Федор Васильевич, матрос Павел Васильевич, боцман Василий (Васильевич?) Усовы и их семьи, о судьбе которых мы сегодня НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ, кроме дальнейшей судьбы сына баталера 27 Амурского флотского экипажа Василия Васильевича Усова, вернувшегося на родной ему полуостров.

Но есть, конечно, еще уникальная информация об этой семье, вошедшая в мировую историю, которую сообщил в своем рапорте императору Николаю I генерал-майор, командир Петропавловского порта, первый губернатор Камчатской области Василий Степанович Завойко – о захвате в плен и благополучном из него возвращении семьи Усовых – мужа, жены, двух детей и племянника.

Но Василий Степанович Завойко в то время не мог, наверное, предположить, что эта идиллическая по своему пер-

вomu акту история обернется в конечном итоге трагедией, которая также войдет навечно в историю обороны Петропавловского порта как пример гражданского мужества и любви к родине, хотя минует год между первым актом и финалом, и англо-французскую эскадру в 1855 г. встретит пустынный берег – русские военные уйдут с Камчатки в Николаевский пост на Амуре, и англо-французы не смогут взять желанный реванш и снять позор за поражение...

Но все по порядку.

Адмирал Де Пуант (отпустивший из плена семью Усовых) хотя и не окончил свою жизнь самоубийством, как его товарищ Прайс, но через несколько месяцев умер ужасной и медленной смертью от истощения физических и душевных сил, порицаемый всеми за неудачу у берегов Камчатки. «...черное пятно, которое никогда не может быть смыто никакими водами океана», «Борт одного русского фрегата и несколько береговых батарей оказались непобедимыми перед соединенными силами Англии и Франции, и две величайшие державы мира были разбиты и осмеяны небольшим русским поселением», – так оценивали события на Камчатке в английской и французской печати...

Но точка в этой истории еще не была поставлена. Отбитое нападение англо-французов на Петропавловский порт общественное мнение Англии и Франции расценивало как оскорбление и требовало, чтобы обе эти державы приняли энергичные меры для уничтожения города. Как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но их положение в случае серьезной войны на Камчатке было безвыходным. Город решено было эвакуировать, что и было сделано в кратчайшие сроки. В мае 1855 г. англо-французский флот вновь вошел в Авачинскую бухту. Теперь это была объединенная эскадра из 12 кораблей с пятью тысячами матросов и солдат. Но они опоздали, город был пуст. Тогда в отместку за недавнее позорное поражение было приказано стрелять по безлюдному городу, чтобы стереть его с лица земли. А для того, чтобы месть была более изощренной, огонь по Петропавловску должны были вести русские пленные, захваченные вместе с семь-

ей Усовых на боте с кирпичами в августе 1854 г. Комендором был назначен матрос Семен Удалов, остальные – орудийной прислугой (В. С. Завойко).

Позже матрос Ехланов и Зыбин расскажут Василию Степановичу Завойко этот новый эпизод в обороне Петропавловска: «Семен... не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам: – Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть. – Сказав эти слова, скрестил руки на груди и во весь голос закричал: – Слышите?! У русских руки не поднимаются на своих. Я к вашей пушке не иду! – Старшему лейтенанту слово в слово перевели, и он затопал ногами: – Если не пойдешь к пушке, то сейчас же повешу! – И приказал гордень готовить. А Удалов на него сердито: – Врешь, такой-сякой француз! Ты меня не повесишь, а к пушке я не пойду! – Бросился он по снастям вверх на мачту и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты, и оттуда нам говорит: – Ребята! Не поднимайте руки на своих, не делайте сраму. Я принимаю смерть. Прощайте! – И с этими словами – бултых в воду. Утонул, а на своих руку не поднял». Этот эпизод поверг англичан и французов в уныние. После непродолжительной бомбардировки пустого города неприятель так и не решился ступить на берег Камчатки, и корабли объединенной эскадры один за другим покидали Авачинскую бухту, взирая на струйки черного дыма от разгорающихся пожаров. В эти дни погиб смертью героя матрос 47-го флотского экипажа Семен Удалов.

Еще во время погони противника за ботом Удалов напомнил товарищам о воинском долге: «Помни, матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю». Но ружей у матросов с собою не было, были только кирпичи. «Если кирпичами станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибешь до смерти; не замай, пусть нас заберут, а вы, смотри, не зевай, не можем ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам». Боцман Усов со своей стороны предупреждал товарищей: «Смотри, не разговаривать; что будет неприятель выпрашивать, знай, отвечай на все вопросы: “Не могу знать”, – а там, что бог даст». Англо-

французы действительно пытались всячески воздействовать на пленных. Сначала они уговаривали матросов перейти к ним на службу, суля им разные блага. После резкого отказа русских матросов их сковали по рукам и по ногам и посадили в трюм на хлеб и на воду. Затем, еще во время пребывания неприятеля в Авачинской губе, у пленных стали выпытывать о военных силах Петропавловска, расположении батарей и пр., но и на этот раз ничего не добились. Позднее матросы рассказывали, что слышали артиллерийскую пальбу, раздававшуюся во время боев за Петропавловск, и жалели, что «сидят закованные, когда товарищи проливают кровь». После разгрома и ухода англо-французов с Камчатки пленных увезли на остров Таити, где сооружалась крепость. Матросов пытались заставить работать, но они отказались и снова были закованы в кандалы. На следующий год пленных привезли на одном из военных судов в Авачинскую губу...

Как мы помним, среди пленных был и племянник супругов Усовых, который, благодаря усилиям тетушки, был также освобожден из плена. Позже он также был переведен в Николаевский пост. В 1865 г. в Петропавловске еще прослеживается слабый след этой фамилии – здесь проживал казак Киселев Софоний Петрович (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1), а в 1893 г. – сестры Евдокия и Степанида Степановичи Киселевы. Все они, как и сам племянник Усовых, вполне возможно, были потомками «солдатских детей» – в 1812 г. в составе Камчатского гарнизонного батальона служили сразу несколько Киселевых – рядовые Киселев Василий Пантелеевич (35 лет) и Киселев Степан Кириллович (27 лет), а воспитанником отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона был пятнадцатилетний Киселев Егор Вавилович (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

На этом пока заканчивается история, которая началась так неожиданно для нашей семьи в начале 1990-х гг., когда Любовь Степановна Копьева впервые получила из архива сведе-

ния о своем родном дедушке, связанного, как мы выяснили впоследствии, с целой плеядой Усовых – защитников Петропавловского порта в 1854 г.

Но с этого, как оказалось, для нас и для других началась еще одна история, о которой я рассказываю в двух своих очерках «Хроника неоконченной войны» и «Ополченцы» в книге «Тайны камчатских имён», героями которых стали родственники Любови Степановны уже по бабушкиной линии – в 1904–1905 гг. на оборону Камчатки от японских «хищников» поднялась вся Камчатка, в том числе и многочисленные Спешневы и Трапезниковы, отстояв, как и Усовы в 1854 г., свою землю. В 1906 г. в схватке с японскими браконьерами на реке Унушке погиб дядя Анны Васильевны Усовой, приютивший после смерти родителей сиротку, – Анкидин Михайлович Спешнев и многие его земляки и родственники из села Воровского (Соболево). В годы Великой Отечественной войны погибает еще один представитель этого рода – уроженец села Русь, основанного его отцом, артиллерист (то есть по-старинному бомбардира) Василий Степанович Копьев – он был убит подо Ржевом...

То есть историческая связь, хотя и незримая, не всегда осознаваемая и понятная, не прерывается в веках. И потомки героев, защитников Отечества, тоже становятся героями, когда в их время над нашим общим Отечеством снова нависает смертельная угроза. И восстановленная (воссозданная) историческая память помогает нам осознать эту преемственность поколений. И не потому ли потомок старинного рода камчатских казаков Усовых Владимир Петрович Ларионов, младший сын Любови Степановны Копьевой, следуя духовному порыву, один из первых коренных старожилов Камчатки, тоже еще в начале 1990-х, когда в России начала возрождаться историческая память, восстановил былой военный статус своих предков Усовых – принял казачью присягу...

Владимир Татауров

СВЯЩЕННЫЕ РУБЕЖИ. 1854 ГОД

Поэтическое повествование
в монологах и лирических отступлениях

*К 160-летию победы России на Соловецких островах
и в Петропавловск-Камчатском порту*

I

1. Соловки

Пролог

Большое видится на расстоянии.
И башни Соловецкого кремля –
Моей страны святое достояние –
Как Китеж-град по курсу корабля...

Идут года.
Неведомый град-Китеж
В туманных водах Беломорья спит.
Негаснущей лампадой над Секирной*
Мерцает Свято-Вознесенский скит.

Вдруг, сотканный из солнечного света,
От ветра вздрогнул утренний туман.
И, как страницы, полетели лета
В студень Ледовитый океан.

Раздался гул.
Басовый колокольный.
Померкло небо, как перед грозой.
И без креста взметнулась колокольня
Под арматурной ржавою звездой.

* Секирная гора – высота 71.0, где находится маяк на куполе скита.

Свод неба, осенённый двоеперстием,
Вибрировал под колокольный звон,
И вспышкой света в сером поднебесье
Мелькнула аббревиатура СЛОН*.

Как на экране замелькали даты...
И вот уже Эрасмус Омманей
Ведёт «Миранду» с «Бриском» – два фрегата
Британии, владычицы морей.

2. Монолог капитана королевского флота Эрасмуса Омманея, командующего соединённой англо-французской эскадрой

От Индии и до полярного края
В походах «Миранда» и «Бриск»,
Устрашая
Индийцев, поморов и всякую шваль.
И в мире найдётся безумец едва ль,
Не верящий, что мы – любимцы истории.
О, Боже! Храни королеву Викторию!

Куда бы судьба ни вела меня, я не
Поклонник холодных полярных сияний.
Гораздо почётней идти в этот раз
Под Южным Крестом, где идёт Дэвид Прайс
Бомбить на востоке России фактории.
О, Боже! Храни Королеву Викторию!

А здесь лишь белухи свистят да тюлени.
Мы топим карбасы, сжигаем селенья.
Сегодня отбили у наших врагов
Трофеи – барана, пять кур, двух быков,
Расширив границы своей территории.
О, Боже! Храни Королеву Викторию!

* СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

На пушечном выстреле вижу обитель
Смиранных монахов,
И, как победитель,
Сейчас обращу их постройки в пустырь,
И, чтоб не роптали – сожгу монастырь.
Во славу Британии справлю викторию!
О, Боже! Храни Королеву Викторию!

3. Монолог настоятеля Соловецкой обители архимандрита Александра

Со «Знамение» дивной иконы
Расстели, Матерь Божья, покров.
На земле православной исконно
Пусть не льётся невинная кровь.

Я молю тебя, Матушка, чтобы
Сохранила Ты добрых людей.
Одолей человечью злобу,
Поднебесное зло одолей!

Архимандрит Александр

Ведь одна Ты на всех, Пресвятая!
И для русских, и для англичан.
Снизойди к нам, любовь обретая,
Не сердчай, Госпоже, не сердчай.

Ты от плача людского устала.
Усмири в нас гордыню и злость.
Что же с пушечным лезет уставом
В монастырь к нам непрощеный гость?

Нет ни совести в душах,
Ни Бога –
Убивать и калечить людей.
Значит надо – чтоб око за око!
Только, как же тогда – не убей?

Я смотрю на Тебя со смирением,
Пресвятой Госпоже взгляд суров.

*С чудотворной иконы «Знамение»
Пал невидимый глазу покров.*

4. Монолог фейерверкера Викентия Друшлевского

Пушка трёхфунтового калибра,
Сколько люда от тебя погибло
От стрельцов по наши времена...
Сделанная при Иване Грозном –
Государе властном, одиозном –
Ты всегда к баталиям годна!

Был бы порох да чугунины ядра
С фейерверкером, палящим яро –
Лихости тебе не занимать!
Не беда, что ржава и не в блеске,

Кирпичом натрёт тебя Друшлевский,
И... покажем мы ядрёну мать!

Кровь врагам
мужчины не прощают,
Безнаказанностью – развращают.
И молитвам старцев вопреки,
На разбойников незваных банду
Навожу я пушку на «Миранду»
За мои родные Соловки!

Я не новичок в пушкарском деле –
От борта аж щепки полетели!
Глаз прицельный, что не говори!
Издавна не кашею и щами
Недругов в России угощают
Наши хлебосолы-пушкарки.

5. Монолог инокa Афанасия

Белой ночью озеро Святое
Дымкою прозрачною парит,
Всенощную на коленях стоя,
Монастырь не спит.
По граниту стен неутомимо
Бьёт прилив бессонною волной.
Где она, граница между миром
И войной?
Не по мне ли завтра справят тризну?

Грудь покрыв размашистым крестом,
Я покаюсь о греховной жизни,
Перед Господом представ.
Потом
Расскажу про радости и беды,
И об осени, и о весне...
А вчера никто ещё не ведал,

Что убитым будет на войне...
Жизнь небесная не как земная –
«Аллилуйя...» – ангелы поют.
Я не чувствую, а твёрдо знаю,
Что *там* любят, верят в нас и ждут.

Без тревоги и без сожаленья
Я молюсь, смиренный, до утра,
И приходит, словно озаренье –
Кто я есмь
И кем я был вчера.

Чисто и светло к подобным Богу
Скоро я приду под Отчий кров.
К райским небесам ведёт дорога
Прямо к Господу от Соловков.

6. Обстрел

Звонари – в колокола!
Чайки влёт об купола.
Ядер свист и бомбы.
Выстоять дал Бог бы!

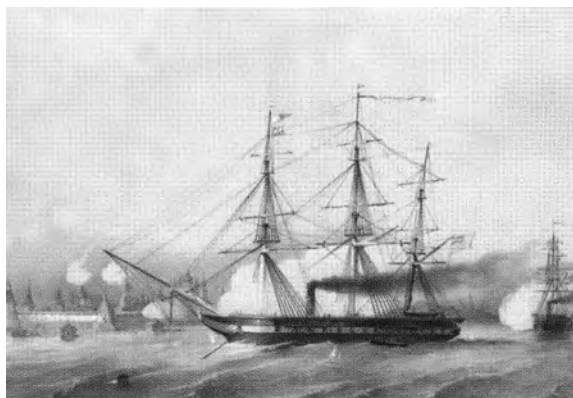
От гранитных валунов
Ядра весом трёх пудов,
Как горох об стенку.
Аж дрожат коленки.

Пушки бьют, почём зазря.
А во двор монастыря
Вышли крестным ходом
И молитву хором:

*«Молим убо вас, о преподобнии отцы, велиции заступни-
цы и скории услышателие молитв, угодницы Божии и чудот-
ворцы Зосимо, Савватие и Германе, избавите ны от огня и
меча, от нашествия иноплемеников и междоусобных брани,*

от тлетворных ветров и от внезапной смерти и от всех прилог бесовских, находящихся на ны...»

Что ж вы, братья родные мои, приуныли?
В монастырские стены бьют бомбы шальные,
Ядра землю на площади рвут.
Страшный суд!
Страшный суд...
И идти невозможно.
Но надо!
Осторожно монахи идут
В пасть гиены разверзнувшей ада.
И поют.
И хоругви несут.
Под «Знамение» дивной иконой
Страх нет.
И отчаянья нет.
Словно в светлую даль Куликова
Поля вышел монах Пересвет.
А соперник – батыр Челубей,
Беспощадный, коварный, жестокий.
Но с такими нельзя – *не убей*,
Надо насмерть – чтоб *око за око!*

*Обстрел Соловецкого монастыря английскими пароходами
6-7 июля 1854 г. Литография 19 в.*

В поле ратном и в поле духовном
За священную Русь умирать
С чёрной злобой, как с тучею чёрной,
Поднимается светлая рать!

За холмом трубят ангелы, слава
Жизнь отдавших за други своя,
И с дружиною инок Ослябя
Мчит на помощь, стегая коня.

И, клубясь, поднимаются силы,
Покрывая собой неба свод,
От дремучих лесов и трясины
Зыбких непроходимых болот.

В них сиянье берёзовой рощи
И осенний полёт журавлей,
И грозы приближающий рокот,
Рёв медведей и ярость зверей.

Так на поле духовном небесном
В рукопашной священная рать
Одолела непрошенных бесов!
И бежала побитая тать!
И сошла тишина...

Тем не менее,
Поверх лика последним ядром
Поразило икону «Знамение»
Божьей Матери, снявшей покров,
Чтоб божественной славы руками
Соловки и обитель покрыть.

И монахи читали акафист
На коленях сквозь слёзы навзрыд:

*«...Помози нам немощным, утоли скорбь нашу, настави на
путь праведный нас, заблуждающих, уврачуй и спаси безна-*

дѣжных, даруй нам прочее время живота нашего в мире и тишине проводить, подаждь христианскую кончину, и на Страшном Суде Сына Твоего явися нам милосердная Заступница, да всегда поём, величаем и славим Тя, яко благуую Заступницу рода христианского, со всеми угодившими Богу. Аминь»...

Размышления капитана королевского флота Эрasmus Оманея

Какая нелепая злая баталия...
Подобный конфуз испытаю едва ли я,
Куда бы в морях я не шёл далеко –
Не может в судьбе быть вторых Соловков.

Уж эти мне россы – строптивая раса,
Хотел бы я встретиться с Дэвидом Прайсом,
В сраженьях с туземцами знает он толк.
Да будет повержен российский восток!

Желаю ему на Камчатке удачи!
Надеюсь у Прайса, всё будет иначе.
В какую же влип я дурную историю...
И что я скажу королеве Виктории?

«Враг вынужден был удалиться от нас без исполнения своего намерения. В монастыре убитых нет, раненых нет, повреждения – самые незначительные. Бомб и ядер по монастырю выпущено около 1 800 штук».

*(Из рапорта архимандрита Александра
военному губернатору)*

II

Моему отцу – Татаурову В. И.

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

1.

Расскажите, хмурые Три брата*,
Как однажды в бухту поутру
Мимо вас бесшумно шли фрегаты,
Развевались флаги на ветру
Англии и Франции. Высоко
Паруса окрасила заря.
Как на траверзе Никольской сопки
В глубину упали якоря.
Как смотрел, скрывая удивленье,
В окуляр трубы, прищурив глаз,
На береговые укрепления
И на батареи Дэвид Прайс.

2. Монолог адмирала королевского флота Дэвида Прайса – командующего соединённой англо-французской эскадрой

То ли Бог, то ли черт
Жизнь пометил мне чёрною метой.
И за час до атаки
Картина предельно ясна.
Как мальчишку меня
Обошёл капитан Изыльметьев,
Хоть пять суток я шёл
За его парусами без сна.

И, конечно же, снятые пушки

* Три брата – три скалы при входе в Авачинскую бухту.

С фрегата «Аврора»
Увеличили мощь огневую
Семи батарей.
Упаси мою старость от срама,
Господь, от позора,
И дозвожь мне уйти
Адмиралом, владыкой морей.

А в правительстве лорды вальяжны,
Хитры и спесивы –
Там Большая Игра*,
Там к России двоякий стандарт.
Там никак не поймут,
Что с Россией – нельзя через силу,
В чём недавно уже убедился
Один Бонапарт.

Ну а я проиграл,
Мне не надо искать оправданий.
Оценил и за всё расплачусь,
Если *my name is price***...

И тогда, на груди
пистолетом раздвинув медали,
без сомнений нажал на курок
адмирал Дэвид Прайс.

*Большая игра (в соответствии с терминологией, принятой тогдашними дипломатами и современными историками) – стремление предотвратить любое усиление российского влияния на Ближнем Востоке и мире.

** Price (англ.) – цена, оценка.

3. Встреча братьев Александра и Дмитрия Максutowых – князей, лейтенантов Российского флота (19 июня, по приходу фрегата «Аврора» в Петропавловск)

– Саша, брат, мы не виделись ровно три года.
Ну, давай, по порядку, про наш Петербург:
На балах что танцуют, какие погоды
На Неве. Расскажи про друзей и подруг...

– Всё по-прежнему, брат. Слава Богу, здоровы
и родители наши, и наши друзья.
Я к тебе через тропик пришёл Козерога
И мыс Горн, как Камчатский вулкан, видел я.
Заблокировали в перуанском Калао
Бритты нашу «Аврору». Но ночью в туман
Семь десятков гребцов потрудились на славу
И на лодках буксиром фрегат в океан
Увели из-под самого носа британцев!
А потом девять тысяч бушующих миль –
За два месяца!
Это тебе, брат, не танцы
На балах в Петербурге...
Ты, Дмитрий, пойми,
Я – не тот избалованный маленький Саша,
И России, как ты, здесь служить буду я,
Чтоб никто не сказал о деяниях наших,
Что Максutowы, дескать, из грязи в князья.

4. Монолог священника Георгия Логинова

Над Никольскою сопкой клубятся туманы.
С высоты замирает в волнении дух.
Говорят, здесь когда-то камлали* шаманы
И на помощь сюда прилетал Ворон Кутх.

* Камлание – свершение шаманского обряда.

Я туземец, священник,
Я здесь не камлаю,
Всемогущего Бога победу прошу.
Наш заступник святой,
Отче наш Николае,
Я на сопке твоею молебен вершу.

А по сопке взрываются ядра и бомбы.
Если б воля Господня на это была,
То, конечно же, Кутх прилетел и помог бы,
И расправил над нами свои два крыла.

Смерть по сопке косою головушки косит.
Страшно, братцы.
Но Бога молю с высоты...
По России священники многие носят
На гвардейских Григорьевских лентах
Кресты!

5. 24 августа. Десант

Земли и моря ратники
Под барабанный бой
С утра стоят десантники
На палубе гурьбой.

На них мундиры красные.
Да здравствует десант!
А с ними, как на празднике,
Весёлый де Пуант.

И с грубостью матросскою
Он отдаёт приказ:
Взять высоту Никольскую!
(Не то что Дэвид Прайс.)

Всё сделать, как приказано.
Огонь – со всех стволов!
Под ранцами подвязано
По паре кандалов.

Прощай, моя Россияшка!
Под барабанный бой
Двух стран лихая силушка
Пошла на шлюпах в бой!

6. На батарее лейтенанта князя Александра МаксUTOва

– «Сегодня, братцы, просто под**fort**ило...» –
Шутили комендоры поутру,
Когда увидели, какую силу
Со словом иноземным на борту
«**Fort**» подтянули к третьей батарее.
Конечно, жизнь – она как лотерея.
И вот бомбят друг друга супротив
Их тридцать пушек... к нашенским пяти.

Никто не знает, где он тот последний
В их жизни час.
Не ведают пока,
Что батарею назовут «Смертельной»
И доблесть их переживёт века.
Обычная военная работа –
Таскать снаряды до седьмого пота,
На цель спокойно пушки наводить
И катера десантников топить.

Всё б ничего,
Да пушек маловато.
Разбитые лафеты.
И стрельбу
Ведут прицельно всем бортом с фрегата.

И пятьдесят матросских душ
пребудут, верно, в райских заповедных куцах.
По брустверу ложатся ядра кучно.
Отброшен взрывом,
лейтенант лежит
с раздробленным плечом...

Пока что жив,
вот встал он с непосильным жизни грузом...
И кабы был я там – услышал я его:
«Смотрите, бестии французы,
Как умирают русские князья...»

...Но далека обратная дорога.
Над океаном сквозь ветра на юг
Летит душа за тропик Козерога
И далее в дождливый Петербург,
Где матушка склонилась пред иконой.
От пламени свечи пошла вдруг копоть
(случается такое иногда) –
«Ужели с нашим Сашенькой беда?..»

7. Десант. Продолжение

По нехоженным скалам и склонам,
Где идти не рискнул бы я сам,
Поднимается в сопку колонной
С боем англо-французский десант.

Они деньги сполна получили.
Их сюда привезли воевать.
Вот знамёна они расчехлили.
Вот они закричали «Vivat»!

Сабли блещут в руках командиров.
Всё в атаке понятно без слов.
Ярко-красного цвета мундиры
Потекли по земле, словно кровь.

До виктории меньше полшага!
Только, логике вдруг вопреки,
Злых свирепых казаков ватага
Поднялась и шагнула в штыки.

Как учили –
Развёрнутым строем!
Как положено –
С левой ноги!
И шагнут
Точно также
Герои
Сталинграда
И Курской дуги!

И шагнёт так в бессмертье пехота
На параде Великой Страны
В ноябре сорок первого года
Прямо в бой от Кремлёвской стены!

Шли казаки отчаянно в гору,
Словно это гора – не гора.
Вместе с ними матросы с «Авроры».
И рвануло над сопкой «Ур-р-ра!!!»

И смешались десанта отряды,
К катерам побежали назад.
И не слышно уже ретирады,
И виваты уже не кричат.

Только раненых крики и стоны.
Каждый то получил, что искал –
То ли пулю свинцовую, то ли
Вниз, несчастный, срывался со скал...

Корабли от земли уходили,
Оставляя в далёких краях
Ярко-красные пятна мундиров –
Пятна крови на серых камнях...

8. Монолог военного губернатора Камчатки, адмирала Василия Степановича Завойко

Дни идут.
Но с потерями сердце мириться не хочет.
Вот и осень пришла.
Опустел Петропавловский порт.
При свечах коротаю
Бессонные долгие ночи
И пишу в Петербург
О камчатской победе рапорт.

Там у них в Петербурге
Нет дела до наших окраин –
Им в обузу Аляска,
Полярные земли в снегу...
Я – простой офицер
И судить их деянья не в праве,
Но боюсь, без Камчатки
Прожить я никак не смогу.

Может быть, оттого,
Что здесь самые добрые люди,
С кем мне волею Божьей
Однажды служить повезло.
Мои милые люди,
Чем больше друг друга мы любим,
Тем прекраснее мы
И ничтожней становится зло.

Город добрых людей,
Город доблестной воинской славы!
Процветай на века,
Мой родной Петропавловский порт!
Волей Господа Бога
Даны нам победные лавры...
И мне жаль, что про это
Не пишут служебный рапорт...

ЭПИЛОГ

Нам с погодой везёт, слава Богу!
Над полярной землёй напрямки
Мчит с Камчатки меня в отпуск «Боинг»,
Направление – на Соловки.

А под крыльями снежные сопки
И сверкают во льдах берега,
И не верится даже, что солнце
Здесь в июне растопит снега.

Пудобней устроившись в кресле,
Я листаю журнал на коленях.
Прогнозирует фактами пресса
О глобальном Земли потепленье,

Что доступен без льдов и торосов
будет всем кораблям Севморпуть,
и возникнут о шельфе вопросы,
и что кто-то захочет рискнуть

разделить «справедливо и честно»
меж собою полярный наш шельф...
Слишком много компаний известных.
Здесь и «Бритиш петролеум», «Шелл»...

Исходя из печатного слова –
Не сегодня, так завтра –
Вот-вот
В наших водах появятся снова
И «миранды», и «бриски», и «форт» ...

Вновь под «Юнкерсов» бомбовым воем
На ленд-лизовских тральщиках «Хиггенз»

Соловецкие юнги* конвои
Поведут, как в те годы лихие.

И пехоты морской экипажи,
Как чуть больше полвека назад,
Из Авачинской бухты на баржах
Снова выйдут в Курильский десант.

Не скажу, что банально и пошло
Жизнь по кругу вращают колёса.
Просто сосредоточена в прошлом
Современная определённость.

Страшно уподобляться иванам,
Что в забвенье не помнят родства,
Но, как прежде, пришельцам незванным
Объясним популярно права.

Ведь великих событий зачатки
Зреют в толще минувших веков,
Там военная доблесть Камчатки
И духовная мощь Соловков!

И за нами безмерные силы.
Я рождён здесь –
И этим горжусь!

.....
Пятый час мы летим над Россией
И вокруг неоглядная Русь...

Февраль – 16 апреля 2014

*Соловецкие юнги – в годы Великой Отечественной войны на Соловках находилась легендарная Школа юнг, воспитавшая пять Героев Советского Союза.

ГОРДОЕ ИМЯ — ПЕТРОПАВЛОВСК

Послесловие редактора

27 августа 1854 г. в 8 часов утра неприятельская эскадра ушла из Авачинской губы в океан. Как потом рассказывали американцы, придя в Сан-Франциско, эскадра не могла быстро, по-военному, убрать на кораблях паруса — не хватало здоровых рук. Так потрепали их петропавловцы!

Через несколько дней, 10 сентября, умер раненый лейтенант князь Александр Петрович Максutow. Общее состояние его было ужасным: ампутированная рука, израненная вся левая сторона тела. К тому же крыша больницы была пробита осколками бомб, а тут начались дожди, она текла, всё пропиталось сыростью, Максutow простыл, пошла горячка, и организм не выдержал нагрузок.

«Для меня это была тяжёлая потеря, — писала жена военного губернатора, двоюродная сестра князя Юлия Георгиевна Завойко. — Дети мои в первый раз видели смерть близкого, любимого человека, и особенно Жоря был в отчаянии...»

12 сентября состоялись похороны князя. «Там, на зелёной Никольской горе, на берегах пустынной Авачинской губы, на кладбище Петропавловского порта, стоят два белых креста, — продолжала Ю. Г. Завойко, — один большой — это место упокоения юного героя, подле него другой, поменьше — тут покоится моя маленькая дочка, умершая ребёнком. Берёзки осеняют их своею тенью, дикий шиповник разливает свой аромат. Простенькая зелёная решётка отделяет их от общего кладбища. Придёт ли когда-нибудь помолиться тут над этим прахом, в этой пустыне, кто-нибудь из близких?»

После похорон, 14 сентября, младший из братьев Максutowых — Дмитрий Петрович — отбыл на американском бриге «Нобль» в Аян и далее — через Иркутск в Петербург с донесением о победе. Вместе с ним отбыл в Аян капитан А. П. Арбузов.

18 сентября 1854 г. в Петропавловск вернулся из очередного путешествия по Камчатке чиновник особых поручений по горной части, естествоиспытатель Карл фон Дитмар. Здесь он узнал о недавнем нападении на город неприятеля, записал рассказы очевидцев о произошедшем сражении и пожелал увидеть своими глазами места схватки.

«Батареи, снова приведённые в полный порядок, в состоянии были выдержать новое нападение, – писал он. – Могилы были уже украшены и даже неприятельская содержалась в почёте. Поле битвы на Никольской горе представляло теперь картину полнейшего опустошения. Хотя здесь, само собой понятно, не валялось уже ни одного трупа и многочисленное оружие всяких родов уже давно убрали, однако ещё ясно можно было видеть следы разорения. Трава была вытоптана, с деревьев сорваны ветви, кусты поломаны, кругом валялись пёстрые лоскутья обмундировки и патронов. Целый день после битвы вокруг горы летали вороны, желая насытиться в лужах крови. Прошло много времени, прежде чем для нас снова наступила обыкновенная и правильная жизнь. Население, и высшее, и низшее условия, были словно наэлектризованы славными августовскими днями 1854 г. Беспреданно, словно красная нить, проходило в их разговорах воспоминание о битве и об отдельных приключениях».

Генерал-адмирал русского флота великий князь Константин Николаевич писал 30 ноября 1854 г. графу Н. Н. Муравьёву:

«Лейтенант князь Максutow, прибыв в Петербург 26 ноября, представил мне английское знамя, донесение вашего превосходительства от 7 ноября и бумаги от генерал-адъютанта Путятина и контр-адмирала Завойко. Я немедленно отвёз Максutowа в Гатчину к государю, и он имел счастье лично повергнуть к стопам его величества трофей, взятый храбрейшими защитниками Камчатки. Поздравляю вас от всей души с отражением нападения сильного неприятеля и радуюсь, что наши моряки отличают себя истинно геройскими подвигами на берегах Великого океана, как и на берегу Чёрного моря».

Тогда же встал вопрос о награждении защитников Петропавловска, наиболее отличившихся в боях. 5 марта 1855 г. В. С. Завойко обнародовал «Обращение к гарнизону Петропавловска по поводу награждения участников обороны». В нём сообщалось, что лично он переименован в контр-адмирала и награждён орденом Святого Станислава первой степени и орденом великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. Перечислялись 29 награждённых лиц из числа офицеров и медиков. Все они кроме наград и повышались на одно звание. Но в обороне принимали участие и рядовые казаки, солдаты и матросы, а также некоторые гражданские лица (волонтёры). Для

них было прислано 18 крестов Святого Георгия. Кого награждать – решали непосредственные командиры, но пять крестов из этих восемнадцати В. С. Завойко вручил лично по своему выбору. Из его рук их получили: боцманы Шестаков и Спылихин, пятидесятники Карандашов и Томский, унтер-офицер Абубакиров.

Необходимо было наградить и наиболее отличившихся волонтеров. Это были служащий Российско-Американской компании Виктор Иванович Попов и заказчик Начикинского селения Михаил Егорович Пермяков. Первый обеспечивал передачу донесений о движении неприятеля от наблюдательного поста на Сигнальном мысе, «что им и было исполняемо отчётливо и с расторопностью под ядрами и пулями». Пермяков – «наиболее других отличился храбростию и стойкостию» во время боёв. Награду обоим исходатайствовали через Сибирский комитет. 10 мая 1855 г. Комитет постановил наградить Попова и Пермякова серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения в петлице на георгиевской ленте.

В 1856 г. встал вопрос и о награждении остальных. К этому времени была учреждена медаль с надписью «В память войны 1853–1856 гг.». О награждении ею и было возбуждено ходатайство перед генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем. Он решил: «Которые участвовали в бою, наградить медалями на георгиевской ленте. Остальным дать медали на андреевской ленте». Списки лиц, которые на основании этого решения представлялись к награждению медалями, сохранились.

Под заголовком «Лица, действительно участвовавшие при отражении неприятеля в 1854 году от Петропавловского порта» перечисляются 41 человек. Как сообщал известный камчатский краевед В. Куков, среди них только 17 человек в возрасте 21–30 лет, остальные намного старше. Например, камчатский мещанин Николай Коршунов был 63 лет от роду, отставной унтер-офицер Николай Грехов – 61. Впрочем, так и должно быть. Ведь до отставки матросы и унтер-офицеры должны были прослужить двадцать пять лет. Так что вполне естественно, что всем им было за 45. самый молодой из двенадцати отставных – матрос Максим Тихонов, ему было 47 лет. А вот пятеро крестьян и шестеро камчадалов были помоложе. Если не считать 48-летнего начикинского камчадала Василия Мерлина, то остальным было 21–32 года.

В марте 1855 г. в Петропавловск прибыл адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири есаул Н. А. Мартынов, который, помимо наград для участников обороны порта, привез секретное предписание генерал-губернатора, в котором, в частности, говорилось: «Перенести из Петропавловского порта все находившиеся здесь военные

способы, всю военную команду и управления военное и гражданское в Николаевский пост в устье р. Амура».

До получения этого предписания Завойко занимался укреплением порта, но понимал, что без дополнительного вооружения и особенно припасов очередной неприятельской осады не выдержать. А привезти припасы можно было только в навигацию. Не придет ли неприятель раньше?

Еще в конце 1854 г. в одной из английских газет писалось: «Разгром союзной эскадры на Камчатке является исключительным оскорблением флагов. Необходимо отомстить за позорное поражение полным уничтожением Петропавловского порта и всего русского флота на Тихом океане». Главной задачей англо-французского объединенного флота на Тихом океане правительствами этих стран объявлялся именно реванш. Именно поэтому было решено перенести все вооружение, все корабли, весь личный состав Петропавловска в устье Амура. Пусть враг войдет в пустой Петропавловск, с гражданским населением, но не победит русского оружия.

15 марта 1855 г. В. С. Завойко официально обратился к населению области, успокаивая людей: «...Англичан и французов бояться вам нечего, в Петропавловске остаются казаки и волонтеры из камчадал, которые далеко внутрь Камчатки неприятеля не допустят, и без этого ему трудно было бы пройти – и он не станет здесь терять время, потому что ничем не поживится. Если бы же паче чаяния где-либо показался неприятель, то уходите в леса, уносите имущество и угоняйте скот, а между тем из скрытых мест наблюдайте за неприятелем и наносите ему вред, который будет возможен... Прощайте!»

5 апреля 1855 г. корабли вышли на внешний рейд. Фрегат «Аврора» при выходе отсалютовал порту семью выстрелами.

Так под командованием В. С. Завойко был совершен невиданный в истории парусного флота перенос военно-морской базы на расстояние около 2 500 км. На судах «Аврора», «Двина», «Иртыш», «Байкал», «Оливуца» и боте находились 1 153 военнослужащих, 281 человек гражданских лиц, среди них – 106 женщин, 143 ребенка.

Русские корабли ушли, а 19 мая 1855 г. в порт зашла англо-французская эскадра, состоящая из трех парусных фрегатов – «Президент», «Альсест» и «Пайк», двух английских винтовых пароходов – «Бреск» и «Энканто», английского корвета «Дидо», английского колесного парохода. Союзники подожгли пороховой погреб, срыли батареи, сожгли большую часть казенных зданий, осквернили собор, повредив его еще при обстреле. После этих бесчинств эскадра «по случаю противных ветров» не смогла обратно выйти из губы и вынуждена была оставаться в порту вплоть до 18 июня, довершив его

разрушение: сожгли дом и магазин Российско-Американской компании, китоловное судно «Аян», стоявшее в порту.

«Русские эвакуировали город месяц назад, – писал французский моряк Феликс дэ Мэйнар, – в городе оставался один обрусевший француз и трое американцев, которые считали себя уже законными наследниками покинутых земель и домов. Сотни прекрасных камчатских собак бродили голодные по улицам и лизали руки наших матросов, в надежде получить кусочек сахара. Отряд, обследовав пустынный город, разделился на партии, которые получили приказ: разрушить, сжечь, разбить до основания всевозможными средствами дома, магазины, склады и укрепления; уничтожить всё, кроме церкви, больницы и нескольких жилищ аборигенов».

Кампания 1855 г. принесла англо-французам лишь новый позор, действия эскадры подверглись на этот раз еще большим насмешкам со стороны печати во всех странах. Иностранная печать сурово осуждала действия флота и жестоко издевалась над его «расторопностью», «бдительностью» и «трофеями». Англичане, считавшие себя первыми моряками в мире, были посрамлены окончательно. Естественно, что общественное мнение Англии, не успокоившееся еще после поражения в 1854 г., было до крайности возбуждено известиями о двукратном (из Петропавловска, а затем еще и де-Кастри) уходе русской эскадры. Английская печать сообщала, что беспомощностью и поражением английского флота «британский флаг был позорно унижен и обесчещен».

«Успех героев Петропавловска произвел на всех в России исключительно большое впечатление, – писал историк Б. П. Полевой. – Само название “Петропавловск” стало символом геройства, стойкости, непобедимости. Поэтому имя города-героя стало присваиваться даже военным кораблям. Первым так был назван деревянный винтовой фрегат, который в 1864–1865 гг. был превращен в один из первых русских батарейных броненосцев. Еще большей известностью стал пользоваться другой эскадренный броненосец “Петропавловск”. Ему суждено было геройски погибнуть 31 марта 1904 г. во время русско-японской войны. Вместе с “Петропавловском” смертью храбрых погибли находившиеся на его борту прославленный адмирал С. О. Макаров и знаменитый русский художник В. В. Верещагин».

Позже гордое имя погибшего броненосца принял один из первых русских дредноутов, а в 1998 году имя «Петропавловск-Камчатский» получил один из стратегических подводных ракетных крейсеров ВМФ России.

Александр Смышляев

СОДЕРЖАНИЕ

А. Смышляев

Первая слава Петропавловска-Камчатского.....3

С. Вахрин

Память, она в каждом из нас, как сердце.....9

В. Татауров

Священные рубежи. 1854.....85

А. Смышляев

Гордое имя – Петропавловск.....106

Защитники Петропавловска (1854–1855 гг.)

**К 160-летию героической обороны
Петропавловского порта
от англо-французской эскадры
в годы Крымской войны**

Составитель, редактор *А. А. Смышляев*

Авторы *С. И. Вахрин, В. Татауров*

Автор вступления и эпилога *А. А. Смышляев*

Художники *В. И. Шиляев, В. В. Санакоев, Ю. Н. Назаров,
И. П. Пшеничный*

Технический редактор *О. И. Набутовская*

Корректор *Е. Н. Киселёва*

Подписано в печать 14.07.2014 г. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная.
Тираж 1000. Заказ

ООО Холдинговая компания «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8 (415 2) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»».
690950, г. Владивосток, пр-т «Красного знамени», 10

